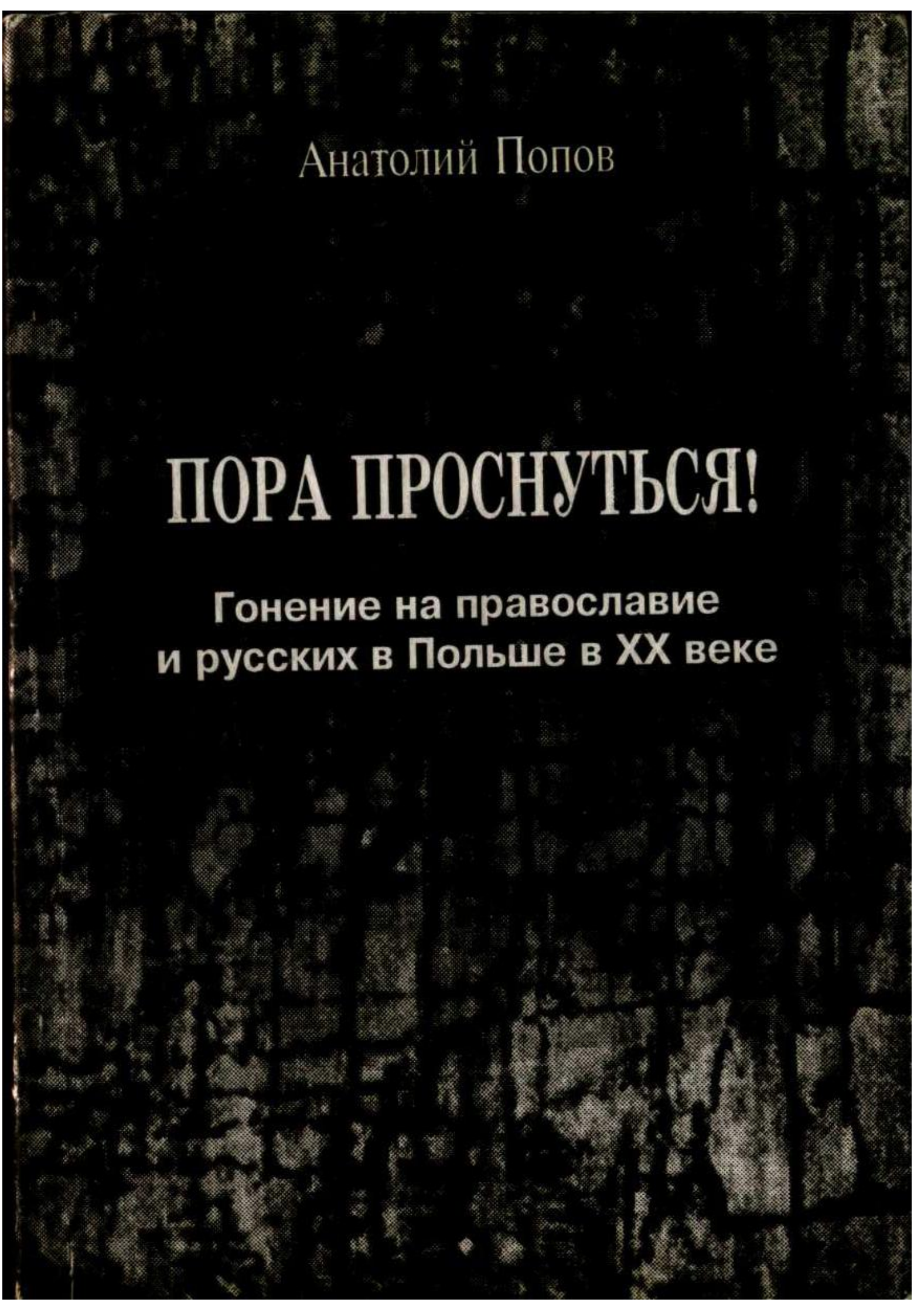
Анатолий Попов

ПОРА ПРОСНУТЬСЯ!

Гонение на православие и русских в Польше в XX веке



Анатолий Попов

ПОРА ПРОСНУТЬСЯ!

Гонение на православие и русских в Польше в XX веке

С.—Петербург — Париж
1993

Автор впервые издал эту книгу в 1937 году в Белграде. Сегодня мы возвращаемся к ней не случайно. И хотя все события, описанные автором в этой давней брошюре, сегодня вновь имеют место, только уже не в Польше, а у нас в России, они еще не стали историей для нас — россиян.

Так может быть трагедия русского православного островка в Польше в начале XX века, как в капле воды отразившая и показавшая дальнейшее распространение гонений на православных, заставит нас стряхнуть с себя дурман лжедмитриев и пустосвятов, хлынувших в дремлющую еще Россию. "Пора проснуться" — так завершает свое обращение в 1937 году автор к русской диаспоре, злой волей большевиков выдворенной из России, к своим братьям, оставшимся под страшным игом на родине. И к нам, нынешним. Довольно спать! Иначе мы рискуем оказаться лишь безвольными свидетелями нового предательства Святой Веры Православной.

Издатель.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Последствия минувшей Великой войны оказались для русского народа наиболее тяжелыми по сравнению с таковыми же для иных народов. Некоторые же нации (в том числе и поляки) не только не понесли никакого ущерба, но, в силу Версальского договора, получили широкую возможность развивать и самостоятельную государственность, и свою национальную культуру, а также беспрепятственно исповедовать свою религию.

Тот же Версальский договор определил права и обязанности так называемых национальных меньшинств в новообразованных государствах, а также взаимоотношения этих государств и их подданных.

В отношении религиозной жизни Версальский договор от 28 июня 1919 года определил полную свободу всех вероисповеданий национальных меньшинств и невмешательство государственной власти в устроение их вероисповедной жизни.

Точно те же религиозные права определены польским подданным Конституцией Польской республики от 17 марта 1921 года и новейшей Конституцией от 23 апреля 1935 года.

Тем не менее русский народ в Польше вынужден вести борьбу за свое национально-культурное и религиозное существование. Так как ненормальность правовой и религиозной жизни русского православного народа в Польше отнюдь не случайна, а вытекает из свойств внутренней политики польского государства, тесно связанной с религиозной политикой Ватикана, то положение русских и православной Церкви в Польше приходится признать весьма сложным и даже историческим.

Фактический материал, собранный главным образом в печатных органах, убеждает нас, что борьба русского православного народа в Польше за цельность своего существования протекает в обстановке всякого рода правонарушений и насилий со стороны государства, а также со стороны ставленников Рима, как это наблюдалось и в прошлом, то есть в XV—XVIII столетиях.

Это позорное для Польши и печальное для ее русского населения прошлое учит нас, русских православных, быть чрезвычайно осторожными даже при малейших указаниях на повторение тяжких, кровавых, темных времен, пережитых нашим народом и Церковью в Польше; при достаточном же количестве указаний на действительное возвращение

этих времен, мы обязаны все, где бы ни звучала русская речь и где бы ни вздымалось в православии слово Божие, подняться на защиту своего угнетаемого народа и гонимой Церкви. Этим мы не только исполним долг истинных христиан — предупредим возможное величайшее кощунство — кровопролитие у ног Спасителя, — но и пробудим в себе великую ревность к основе русской национальной культуры, к столпу русской национальной государственности в прошлом и в недалеком будущем — к Русской Православной Церкви.

Исторические дни, нами переживаемые,— небывалые по своему значению для России. Мы обязаны зорко всматриваться не только в то, что творится в самой России, но еще внимательней — вокруг нее. Без знания решительно всего, что касается России, без непосредственного участия решительно во всем, что касается ее имени, — мы не сможем без грубых, губительных ошибок строить свое новое национальное государство.

Довольно спать — пора проснуться.

I. Краткий исторический очерк[1]

Православие проникло в языческую Польшу во времена проповедничества св. Равноапостольного Мефодия (VIII век). После победы немецкого князя Альбрехта Медведя над польским князем Мечком I (X век), православная Польша подпала под насильственное влияние Рима, а впоследствии в его полное подчинение. Соседние литовские князья становятся католиками. С XII века и на протяжении XIII численность православного населения значительно сокращается.

Уже в XIV столетии наблюдается в Польше ограничение свободы православного вероучения — под напором Римского миссионерства, а к концу XIV века, по инициативе римского папы, появляется в Польше притеснение православных, в большинстве принадлежащих к русской национальности. Как свидетельствует проф. Г. Вернадский, «Польша рано сделалась главным вооруженным лагерем латинства для всей Восточной Европы. Из этого лагеря предпринимались дальнейшие наступления на Восток и Юго-Восток,— шла отчаянная пропаганда латинства, высылались миссионеры, а подкрепляли их вооруженные силы Польского государства».

В XIV столетии православные в Польше оттесняются от участия в государственной жизни страны; терпят всяческие ограничения в ремесленных цехах, в торговле; их насмешливо и недружелюбно называют «схизматиками» (вероотступниками); они подвергаются различным притеснениям при исполнении православных обрядов и таинств; католики отнимают православные храмы, грабят монастыри и так далее.

В притеснениях и внутреннем расстройстве из-за нетерпимости католиков Западнорусская православная Церковь в Польше и Литве про-

[1] ПОСОБИЯ: Макарий. История Русской Церкви; Бантыш-Каменский. Исторические известия о возникновении в Польше унии (1805); Зубрицкий. Начало унии (1848); Коялович. Литовская церковная уния (1860); Чистович. Очерки истории Западной Русской Церкви (1884); Хойнацкий. Православие и уния; А. Доброклонский. Руководство по истории Русской Церкви (1889); Януш Волиньский (Januzs Woliński) Польша и Православная Церковь (1936); Труд Волиньского — первая попытка обработки данного вопроса автором-поляком (на польском языке).

жила весь пятнадцатый век; жалобы православной иерархии и верных, многократно направлявшиеся к королям, не имели успеха.

В этот период неоднократно снова поднимался вопрос о соединении Церквей; сторонники недавней Флорентийской унии (1438—1439), из лагеря православной иерархии, не могли, однако, укрепить идею унии в своей пастве, и она осталась при прежних порядках притеснений и гонений.

В 1480 году учреждена Галицко-Киевская митрополия; на Волыни, Холмщине, Галичине и Виленщине возникли епископские кафедры; организм Западной Русской Церкви стал успешнее бороться с наступающим римским католичеством.

Это положение неустойчивого равновесия продолжалось до появлений на территории Литвы ревностных служителей римского папы, монахов иезуитского ордена (1564), приглашенных католическим епископом в Вильню. Иезуиты сперва боролись с проникшим на Литву протестантизмом, а затем, поборов его, взялись за православие.

При участии иезуитов простые религиозно-бытовые преследования русских православных постепенно превратились в борьбу двух вероучений.

Борьба православия с католичеством была неравной: на стороне католичества, кроме могущественнейшего в те времена папского престола, стояла польская государственность, сумевшая создать из поляков-католиков ревностных борцов за свою веру, чувствующих полную поддержку королевской власти и имеющих своими наставниками иезуитов, образованных и влиятельных при дворе. На стороне же православных была лишь их чистая вера; что же касается внешней поддержки, то ее оказывала Россия того времени лишь по мере возможности, но этого было недостаточно.

Разрушение православия в Польше иезуиты повели постепенно и обдуманно; прежде всего ими было организовано замешательство, как в рядах иерархии, так и среди православного рядового духовенства и верных. По инициативе иезуитов, польские короли взяли на себя назначение так называемых попечителей (патронов) над епархиями, православными храмами и монастырями. Попечителями обычно назначались хорошо известные королю лица из вельмож и помещиков; они обладали широкими правами, расширив их впоследствии до неограниченных; они назначали в приходы священников, для монастырей — игуменов, распоряжались церковными и монастырскими имуществами, отдельными храмами, творили суд и расправу среди прихожан и так далее. Среди неограниченных властелинов-попечителей, часто проявлявших на деле всевозможные отрицательные качества личного характера, постепенно стали появляться и католики, непосредственные ученики и сподвижники иезуитов.

В начале XVI века в православном церковном мире в Польше водворились, благодаря энергии королевских попечителей, бесчисленные интриги, злоупотребления, ссоры, создался кадр безместного духовенства, конкурировавшего с приходским; от всего этого престиж Церкви падал все ниже. Первый этап наступления Рима на православие в

Польше можно было считать за Римом: фундамент замешательства был заложен.

Польские короли издавна присвоили себе право назначать на кафедры православных епископов своих кандидатов, отнюдь не заботясь о благе православной Церкви. Этим правом особенно и разнообразно злоупотреблял Стефан Баторий. Своеволие королей доходило до того, что нередко назначались епископами люди, ничего общего никогда не имевшие со священством и даже с самой православной Церковью (епископами бывали и католики).

Эти ставленники постепенно превратились в местных деспотов. Презирая местное духовенство до низведения его на степень простых слуг, королевские епископы подорвали вконец материальную базу православной Церкви в Польше, бесконтрольно распоряжаясь церковными имуществами и должностями. Чрезвычайная «светскость» королевских епископов знаменовалась подчас и вооруженной борьбой их со своими соперниками или попечителями (Луцкий епископ Кирилл Терлецкий).

Местное православное духовенство принижалось все больше, беднело, грубело, связь православных пастырей и верующих с высшей иерархией, а последней — с патриархатом терялась; паства религиозно дичала; соборы не созывались; кровавые преследования православных усилились; переходы в католичество участились, как выход слабых духом из невыносимого для них положения; наконец, среди православных пастырей и мирян стали раздаваться голоса отчаяния: «Не настанет ли время погибели православной Церкви?»

Однако в православной массе не остыла ревность к своей вере. В противовес неистовствам королей, епископов, попечителей и иезуитов, рядовая православная паства стала организовываться в церковные братства, чтобы законным путем противостоять государственному и католическому беззаконию. Старейшие братства возникли во Львове (1586), Киеве и Вильне (1589). Их деятельность, теснимая со всех сторон, в то время еще не отличалась особенной продуктивностью, зато верующие сразу поняли, *что отстоять Церковь возможно лишь будучи организованными*. Впоследствии братства сыграли огромную роль в дальнейшей жизни православия в Польше; исторический анализ их деятельности говорит за то, что сохранение православия в Польше в том или ином виде до наших дней — несомненное следствие и работы братств.

Так как на систематический развал православной Церкви в Польше работали такие могущественные факторы, как королевская власть и воля католического Рима, то слабые вначале братства русского люда не в состоянии были полностью остановить глубокое замешательство в церковной жизни. Тем не менее в сознании верующих произошел весьма ценный для дела Церкви и русского народа реальный сдвиг, борьба начала приобретать более стойкий характер со стороны православных.

Особенно тяжкие испытания выпали на долю православия в Польше во второй половине XVI столетия. Иезуиты не только повели жестокую пропаганду католичества среди православных, но и завладели королев-

ским престолом: король Сигизмунд III, получивший воспитание иезуитов, беспрекословно исполнял их требования (1587—1632). Преследования православия усилились; *одновременно иезуиты повели подготовку кадров православной иерархии, предназначавшейся для проведения в будущем замыслов Рима.*

В Вильне иезуиты открыли школу богословского (латинскую) типа, преобразованную впоследствии в академию. В эту школу заманивались (под предлогом образования) дети русских вельмож и дворян; русские школы, даже в незначительном количестве для того времени, подвергались преследованиям, а вместо них открывали свои школы иезуиты. Ректор Виленской академии иезуит Петр Скарга с иезуитом Антонием Поссевиным, поддержанные королем, с особенной силой и умением обрушились на православный русский народ, *отнимая русских детей от их веры особой системой воспитания.*

Вторая половина XVI века знаменуется на Восточной Руси укреплением Московского государства.

Иезуиты, чувствуя рост и влияние московского православия, проявляют лихорадочную деятельность — насилия над русским народом возрастают, льется кровь православных.

К религиозным замыслам папы, которого никогда не покидала мысль об обращении православного русского народа в католичество, присоединяется политическая мысль руководителей Польши: *«уравнять» русских с поляками в религиозном отношении так, чтобы между первыми и последними стерлось национальное различие, то есть чтобы русские, живущие на восточных границах и непосредственно соприкасающиеся с московским православием, стали бы поляками — не только по религии, но и по духу.*

Эту мысль стали проводить в жизнь польские правители на том основании, что-де только сплошная стена польской национальности и католического вероисповедания сможет оградить Польское государство от восточномосковского политического и религиозного влияния (вторжения)[2].

По благословению папы Григория XIII, «уравнение» православных с католиками стало проводиться в Польше иезуитами, на первых порах, в виде устной и письменной пропаганды УНИИ, то есть *соединения Церквей.* Это произошло непосредственно после соединения Польши и Литвы в одно государство (Люблинская уния 1569 г.). Произведенное ранее замешательство в православной Церкви действиями королевской власти как будто вполне подготовило успешную пропаганду католичества, да еще под таким высоким лозунгом, как *соединение Церквей.*

Иезуиты во главе с Петром Скаргой повели пропаганду «уравнения» прежде всего среди русских магнатов, связанных близостью к королевскому двору. Князья Лукомские, Сангушки, Вишневецкие, Волынские, Чарторыйские и многие другие перешли в католичество. Эти русские вельможи считали зазорным свое дальнейшее пребывание в православии, столь униженном и потерявшем престиж.

---

[2]Эта формула государственной политики Сигизмунда III и его преемников стала жизненной в Польше Пилсудского.

За магнатами потянулась шляхта и паны, а за панами их холопы.

Православие в Польше дрогнуло... Но неоднократно соблазняемый иезуитами сильнейший из магнатов князь Константин Острожский остался верен православию; имея громадные связи при дворе, будучи богаче самого короля, князь Константин был примерным подданным польской короны, и однако вступил на стезю защиты православия от насилий Рима и польской политики.

С учреждением в Москве патриаршего престола (при Борисе Годунове в 1589 г.) Польша повела окатоличение православия усиленным темпом, боясь возможной защиты православных московскими собратьями. Русский православный народ в Польше заволновался; началось решительное движение против унии, то есть католичества.

Государственная власть приступила к беспощадному подавлению противоуниатского движения: запечатывались православные храмы; отбиралась церковная утварь; храмы отдавались евреям на откуп, от чего сильно стеснялись богослужения, требы и совершение таинств; запрещался колокольный звон; священники, монахи и миряне часто предавались истязаниям, их поджаривали на угольях и казнили; православные исключались с государственной службы, лишались заработка в ремесленных цехах и пр. и пр.[3]

Одновременно шла подготовка к принятию унии (католичества) православными иерархами. Считаю весьма поучительным привести хотя бы несколько выдержек из послания виленской иезуитской коллегии на имя бывшего воспитанника иезуитов, митрополита Киевского Михаила (Рагозы). Выдержки беру из упоминаемого здесь труда Ю. Лукашевича.

«...Желаем, чтобы Ваше Преосвященство благоволили в советах и увещаниях наших усматривать не менее усердия к Вашему лицу, как и к общему благу Католической (Латинской) Церкви».

«...Притом не менее красиво будет украшение Вашего Преосвященства, когда, будучи в наших странах Восточной Церкви Примасом, Вы будете восседать в Государственном Совете возле коронного Примаса. Только невозможно будет этого достигнуть, доколе Ваше Преосвященство будете состоять хотя в малейшей зависимости и переписке с патриархом, состоящим под властью языческою[4]. Этим не только уважение к религии, но и политика должны связывать руки Его Величеству и коронным чинам, доколе сей узел не рассечется. Почему коронные области, соблюдающие обряды Западной Церкви, могут быть хуже московских, имеющих своего патриарха?»

«...Да не устрашат Ваше Преосвященство различные препоны и препятствия: большая часть их уже уничтожена, прочие могут быть устранены мудрыми советами и постоянным стремлением к осуществлению предпринятых замыслов. Разве малое препятствие в священных наших намерениях устранено тем, что избрание Старших и Митропо-

[3] См. труд Юзефа Лукашевича «Dzieje Kościołow Helweckiego wyznania». Познань, 1842 г., том I, стр. 70—72.

[4] Речь идет о патриархе константинопольском, которому официально подчинялась Западная Православная Церковь.

литов начинает ускользать из рук русских дворян и обывателей? И потому надлежит опасаться, чтобы для прохождения должности, которую Вы исправляете, не представили бы они людей, могущих испортить и разрушить основание начатого Вами доброго дела и строения. Не без промышления Божия случилось, что они, не избрав Ваше Преосвященство на это достоинство, доселе не смогли, однако ж, Вас с него столкнуть и низложить. Ибо Ваше Преосвященство имеете привилегию Его Королевского Величества, имеете в Короне и Литве тайных покровителей и явно за собою всю Католическую Церковь».

«...Впрочем, не оглядывайтесь, Ваше Преосвященство, ни на свое духовенство, ни на пустые восстания бешеной черни. Что касается духовенства, то ставьте на все свободные места незначительных людей, чтобы, на случай, не упрямились. Замещайте должности простыми, убогими, и такими, которые совершенно зависели бы от Вас. А если бы на высших духовных местах нашлись упорные — низлагайте их...»

Иезуитская коллегия советует митрополиту запрещать священникам «всякие сборища», и непослушных — «сажать в тюрьму».

Для «восстающей черни» — особый совет: «не вступать в открытую борьбу, ублажать всячески подачками и милостию».

Для дворянских юношей — «особые училища, с посещением католических костелов».

Обряды новые — не вводить сразу. Слово УНИЯ не употреблять, чтобы не дразнить им людей, придумать другое название.

Дворян привлекать в помощь католичеству — против «схизматиков»: «От этой предосторожности зависит столь много, что пока *схизматики* (православные .—*А. П.*) *не будут истреблены*, до тех пор совершенного согласия и соединения Греческих Церквей с Католической Церковью в отечестве нашем ожидать невозможно. Ибо как могут последователи Восточной Церкви совершенно обратиться и подчиниться Святому Отцу (папе римскому.— *А. П.*), доколе будут в Польше отказавшимися когда-то от послушания ему?»

«...И мы питаем себя благою надеждою, что и столь Боголюбивый и благочестивый Государь, и столь пламенно преданный католическому Богопочтению Государственный Совет, по его милости, начав честью в судах и сеймах притеснять отступников (православных русских.— *А. П.*), так прижмут упорных в русском народе, что рады не рады — они принуждены будут предаться в послушание Св. Отца. К чему мы все не перестанем содействовать...»

Несмотря на все зверства иезуитов, движение русского народа против унии не угасало. Среди священников и мирян появились подвижники. Князь Константин Острожский домогался Собора. Митрополита (Михаил Рагоза) не слушались, ему не верили, его угроз не боялись, короля ослушались. Однако развал православия иезуитами и королевской властью был таков, что в среде иерархии все настойчивей являлось стремление найти выход ко спасению в унии. К сожалению, такой выход искали православные иерархи главным образом по мотивам личного характера.

Епископы: Луцкий Кирилл Терлецкий, Львовский Гедеон Балабан, Холмский (не покидавший брачной жизни) Дионисий Збируй-

ский и Пинский Леонтий Пельчицкий *подали польскому королю тайную от своей паствы грамоту о своем подчинении папе, то есть о желании принять унию* (1591). Сигизмунд III ответил обещанием милостей (1592).

В следующем, 1593 году к этим епископам присоединился епископ Владимирский (на Волыни) Игнатий Поцей, умный, энергичный ученик иезуитов. На дело измены православию его увлек епископ Терлецкий, из-за материальных выгод и тщеславия. Он писал Поцею: «Сам посуди, какая неволя! А когда поддадимся под Римского папу, то не только будем сидеть на епископиях наших до самой смерти, но и в лавице сенаторской засядем вместе с Римскими епископами, и легче отыщем имения, от церквей отобранные».

Внешним толчком к измене православию послужила епископу Терлецкому его личная ссора с князем Острожским, поборником православия.

После упорной и тайной работы среди епископов и выдающихся прихожан, в 1594 году Поцей составил акт о принятии унии, который подписали перечисленные выше епископы, а также епископ Пинский Иона Гоголь, Перемышльский — Михаил Копыстинский и митрополит Киевский Михаил Рагоза.

На вступление в унию согласился было и князь К. Острожский; однако, когда обнаружился обман Поцея, подписавшего в Риме совершенно не те условия, какие ставил князь Острожский, последний, а также епископы Львовский и Перемышльский отказались от принятия унии. Князь Острожский выпустил 24 июля 1595 года окружное послание, сообщая православным, что «самые главные истинной веры нашей начальники, славою света сего прельстившись и тьмой сластолюбия помрачившись, мнимые пастыри наши митрополит с епископами в волков претворились».

Послание кн. Острожского произвело потрясающее впечатление: по всей территории Польши возмутились и заволновались православные, требуя созыва полномочного Собора, который и определил бы положение.

Слабовольный, «сластолюбивый» и постоянно шатущийся митрополит Михаил испугался и в том же году, 1 сентября обратился к народу с посланием, уверяя в своей верности православию и патриарху. Но было поздно.

24 сентября король всенародно объявил о состоявшемся соединении Церквей. Собор, назначенный королевской властью на 6 октября 1596 года в Бресте, должен был лишь выслушать отчет о поездке Поцея и Терлецкого в Рим. Бурные протесты православных на сейме (1596) против унии ни к чему не привели.

Съехавшиеся на Собор разделились на две части. В храме св. Николая заседали Терлецкий, Поцей, митрополит Михаил всего с тремя епископами, католические епископы, иезуиты, Петр Скарга, представители короля и магнаты. В частном доме собрались православные епископы с кн. Острожским и миряне, которые трижды просили к себе митр. Михаила, но он не явился.

Собор вынес два противоположных решения; король утвердил подписанное митрополитом Михаилом и иезуитами, то есть за унию.

С этого момента православие в Польше официально перестало существовать; преследования православных усилились, получив иную окраску — исполнения закона...

Хотя Лионская уния (1274), а также Феррарско-Флорентийская и носила характер вселенскости, однако Рим не достиг желаемых результатов; наоборот, ослабив Флорентийской унией Византийскую империю, Рим нанес удар христианству, подставив ослабевший Константинополь натиску турок. Брестская же уния, нося характер местный, оказалась чреватой значительными последствиями, и во вселенском масштабе, — после шестивековых усилий Рим впервые ощутил небесплодность своей упорной работы в стремлении уничтожить православие.

Однако, несмотря на бесспорный успех Рима в польско-литовском государстве, после Бреста началась непримиримая борьба русского православного народа с католичеством и польским государственным произволом.

С другой стороны, Поцей и Терлецкий яростно насаждали унию в своих епархиях. Всем врагам православия широко покровительствовал король Сигизмунд III. Особенно упорная борьба за и против православия разгорелась на Виленщине. Православные священники о. Иоанн Парфенович и о. о. Василий и Герасим открыто и с большим успехом выступали в защиту родной Церкви. Учитель церковной школы Стефан Зизаний выпустил первое сочинение против унии и католичества «Сказание св. Кирилла Иерусалимского об антихристе»[5]. За свою энергичную деятельность *о. о. Василий и Герасим, а также С. Зизаний вскоре были высланы польскими властями за пределы государства.*

Следует отметить, что преследования православных после Бреста до конца царствования Сигизмунда III дважды заметно ослабевали, — во время войн, которые вынуждена была вести Польша (1607 и 1621).

Ослабления преследований русского православного народа в Польше в эти годы диктовались исключительно нелегким политическим положением Польского государства, но отнюдь не гуманитарными или правовыми соображениями.

Ко времени войны с турками (1607), на территории Польши не было уже ни одного православного епископа. Поцей стал униатским митрополитом. По просьбе русского православного народа, не поддававшегося соблазну изменившей Церкви иерархии, патриарх иерусалимский рукоположил для Западной Русской Церкви шесть епископов во главе с митрополитом Ионом Борецким. Польское правительство не признало этой иерархии. Православные епископы приступили к исполнению своих обязанностей нелегально.

---

[5] Литература против католичества и унии, а также против православных развивалась все шире, по мере усиления работы иезуитов и изменников православия. В числе авторов против унии встречаются замечательные люди того времени, как митрополиты Киевские Иона Борецкий и Петр Могила, ученые иеромонахи Киево-Печерской Лавры, кн. Острожский и др. Эта литература имела большое значение в деле борьбы против католичества.

Однако в данном случае не столь важно то, что Польша не признала православных епископов, как решителен исторический факт: *православная паства отказалась от своей иерархии, призвав другую и этим выказав решительный протест против губительных для православной Церкви действий изменившей иерархии. Верующий народ подтвердил истину: не Церковь для иерархии, а иерархия для Соборной Церкви.*

Одновременно устанавливается историческая истина: *религиозные, культурные и правовые интересы русского православного населения в Польше никогда не принимались во внимание польской государственной властью.*

В разгар борьбы с униатством, в 1620 году, на сейме в Варшаве выступил депутат от Волыни Лаврентий Деревинский; он заявил сейму, что русский народ православный терпит поругание, тюрьмы, бесправие, храмы отнимаются, пастыри изгоняются, «непреклонных к унии монахов бьют и бросают в темницы, ловят на дорогах и издеваются над ними».

Сейм остался глух и нем[6].

Наступление Рима на Южную Русь в значительной степени парализовалось поддержкой простого православного народа запорожскими казаками. Однако и там русский народ терпел преследования, поднимавшие не раз кровавые народные восстания.

В 1632 году Сигизмунда III сменил Владислав IV, не в такой степени, как его предшественник, поддававшийся влиянию иезуитов. Митрополитом Киевским стал Петр Могила, родом из молдавских вельмож. Его связи при польском дворе, а также высокие личные качества оказались на пользу православию. Наступило некоторое затишье (1633—1647).

Однако это не значит, что иезуиты и польская власть прекратили свое наступление на русский православный народ; вследствие их совместных действий возникли *войны* Богдана Хмельницкого *с Польшей* (1648—1651) за свободу русского народа и веры православной. Эти войны, народные и религиозные, закончились воссоединением Южной Руси с Московским русским государством. Сказалась для русского народа великая истина: *только собственными руками, при полном единении своих народных желаний и духовных потребностей — все русские племена вкупе могут добиться того, к чему свободно стремятся, и отвергать то, что им навязывается угнетателями.*

Здесь следует подчеркнуть, что войны Хмельницкого — это лишь короткое *контрнаступление* русского народа, несколько веков находившегося в состоянии *обороняющегося*.

С присоединением Южной Руси к Московскому государству (1654) борьба русского православного народа с польским католичеством лишь сократилась в размерах, но продолжалась на территории современной Польши до конца XVII и почти весь XVIII век. За это долгое время уния значительно расширилась, заполонив собой всю Холмщину, Галицкую Русь, значительную часть Белой Руси и Литвы (с Вильно), много про-

[6] См. ниже — выступление в польском Сенате сенатора В. В. Богдановича по делам русской православной Церкви в Польше (1930).

лилось русской крови и слез от своеобразного римского «соединения Церквей»...

Приход Петра Великого в российскую историческую действительность не облегчил положения русских православных в Польше. Могучий царь, прорубая окно в Европу, был не совсем свободен от того, что увидел за «окном». В Москве, в немецкой слободе, появились и последователи Лютера, и иезуиты, и доминиканцы, свободно проповедуя москвичам. Переход в унию и католичество даже некоторых видных царских слуг был как бы духом времени, а Великий, но еще молодой Петр играл во «всешутейский собор» и грозно посматривал в сторону патриарших палат. Москва же православная занята была по горло петровской ломкой и собственными внутренними неурядицами.

Лишь Россия Екатерины II, на сейме 1768 года, при некотором давлении русских войск добилась кое-каких уступок для православных в Польше; уступки эти остались, к сожалению, больше на бумаге: разошедшиеся иезуиты не особенно охотно воспринимали обязательства польского правительства.

Решительным моментом в судьбе православных русских в Польше оказался непосредственный результат длительной внутренней политики Польского государства, — политики натравливания одной части населения на другую, политики религиозных преследований и полонизаторских экспериментов, — политики взрыва собственного организма изнутри: результат этот — *первый раздел Польши*.

Роковая дата для Польши — 1772 год — оказалась первыми лучами рассвета для православной Церкви в Польше. Однако созданная веками традиция смертельной борьбы с православием оказалась настолько живучей, что, даже в положении полувассала, католическая Польша от нее не отказалась: в 1791 году в Пинске созывается Собор, на котором, по желанию польского правительства, объявляется проект *автокефалии православной Церкви в Польше*. Сейм 1792 года утверждает этот новый, смертельный для православия в Польше ход иезуитов; но приходит снова спасительная дата: *второй раздел Польши*, в 1794 году.

Ее третий раздел (1795) надолго прерывает многовековую борьбу русских православных в Польше с Римом и польскими политиками.

Кровавая история Западной Русской православной Церкви изложена, на протяжении нескольких веков, в десятках томов, как русских, так и иностранных авторов (в том числе и поляков), начиная с рукописных изданий. И потому может показаться совершенно невероятным следующее заявление православной иерархии, относящееся к XX столетию: «Надо понять, что «смысл положения» православной Церкви в Польше идет по линии прекрасных традиций Польши, существовавших перед ее разделами»...

Приведенные строки напечатаны в газете Варшавского *митрополита* Дионисия «СЛОВО» от 17 мая 1936 года в статье (на польском языке) «Złudzenia» (Самообман).

Но об этом — ниже.

Приведенный здесь краткий, почти лаконический, очерк истории православия в Польше в значительной мере облегчит читателю уяснение событий, разыгравшихся в Польской республике XX века.

Эти события нынешних дней, свидетелями и участниками которых мы являемся, несомненно, относятся к подлинной истории православной Церкви, в широком значении этого предмета, их общая цепь часто сливается с природой, бытом и значением событий, давно прошедших. Это происходит, главным образом, по двум причинам: *ни папский престол в Риме, ни польские политики в Варшаве и в наши дни не отказались от своих устремлений и целей*, **а польское правительство, покровительствуя Риму, силится уничтожить русский народ в Польше путем превращения русских в поляков.**

Прежде чем приступить к дальнейшему изложению вопроса, считаю долгом предварить всех русских православных, что дело православия в Польше — отнюдь не собственнос, не «личнос» дело русских, проживающих на польской территории: **Рим ведет наступление на всю православную Россию**, и православие в Польше — лишь передовой пост католичества, стремящегося уничтожить основу русской национальной самобытности и культуры — Русскую Православную Церковь.

II. О соединении церквей. — Рим наступает. — Его цели и задачи. — В чем нас убеждает действительность. — Опровержения

В XI веке откололась от Христианской Церкви некоторая ее часть, образовав отдельную Церковь, Католическую, во главе с римским папой, которого католики почитают *непогрешимым «наместником Иисуса Христа на земле»*.

Мысль о восстановлении первоначального положения, то есть о СОЕДИНЕНИИ ЦЕРКВЕЙ, родилась, быть может, на следующий же день после случившейся в лоне Христианской Церкви трагедии, однако внешние обстоятельства и личные влияния не благоприятствовали этому.

Прежде всего, римские первосвященники ни за что не хотели поступиться своим многовековым первенством, и притом отнюдь не по христианским побуждениям. Римские папы много лет добивались от Византии восстановления своего первородства в политико-экономическом смысле; отсюда возникла отличающая католичество воинственность. Домогательства пап отчасти содействовали, отчасти совпали с постепенным и неуклонным ослаблением и упадком Византийской империи.

Подобное положение придало соответствующую физиономию и попыткам примирения Церквей: Лионский, Флорентийский, Брестский и др. Соборы, возникавшие по инициативе Рима, во-первых, никак не содействовали подлинному соединению Церквей, ибо наполнялись политическими, честолюбивыми и сребролюбивыми стремлениями Рима, оставляя на третьем плане значение религиозное: и, во-вторых, сводились не к слиянию двух Церквей в одну, на христианских основах, а *к рождению третьей Церкви* — Униатской. В конечном результате *все стремления Рима к «соединению Церквей» сводились к простому пожиранию православия католичеством.*

Отсюда вся трагичность описанных выше событий, свершившихся в католической Польше (и свершающихся ныне) под лозунгом соединения Церквей.

Встречая на своем пути лишь обороняющееся (пассивное) православие, католики невольно наполнились духом легкой воинственности, повелительности; иезуиты проявили эти качества особенно широко на территориях Литвы и Польши, воспитав в этом нехристианском духе своих верных-поляков. Отсюда ревностно-нетерпимый польский католицизм, в котором окончательно потонула подлинная идея соединения Церквей, превратясь в непримиримую борьбу с православием.

Приостановленное на 130 лет насаждение католичества среди русского населения в Польше взбунтовалось чуть ли не на другой день после восстановления Польского государства. Православная императорская Россия превратилась официально в безбожный СССР, а с этим, как показалось Риму, навсегда погибло православие в необъятной стране, остатки которого в Польше оказались предоставленными самим себе.

Приступая к новому наступлению, Рим призвал на помощь весь опыт прошлого. Кроме этого еще в конце XIX столетия, после Евхаристического Конгресса в Иерусалиме (1892), католический Рим убедился, что для полной победы над православием далеко не достаточно одного голого средневекового насилия, что необходимо изучить православный Восток с его религиозной психикой, богословской мыслью, с его литургической жизнью, обычаями и традициями; что только с такой основою можно избегнуть ошибок в окатоличивании православных русских. С тех пор изучение православного Востока католиками достигло многого.

Так как основная цель Рима осталась та же, что и много веков назад, то есть привести к католичеству весь мир, и прежде всего православную Россию, и так как стратегической базой похода на Восток остается, как и прежде, Западная православная Церковь, то есть территория Польши, то отправной точкой возобновившейся работы Рима оказалась возрожденная Польша.

Как только русская революция поставила под вопрос имперское существование православной Церкви в России, папа Бенедикт XV спешно перестраивает восточную часть пропаганды (1917), становясь во главе организации для проведения католичества в России — «Pro Ecclezia Orientali». В том же году он основывает в Риме *«Папский Восточный Институт»*, в котором воспитываются ксендзы, готовящиеся для работы в России, и посылает своих уполномоченных для изучения «восточного вопроса» на местах: нунция Ратти (вскоре папу Пия XI) — в Польшу, Латвию и Литву, и на «Украину» — кс. Геннадия. *«Восточная миссия о. Иезуитов в Польше»* располагается в Варшаве. Работа развивается — пока — в подготовительных стадиях.

Нунций Ратти, став папой и будучи знаком с «православным вопросом» лучше других, берется за дело еще энергичнее. Он ставит ближайшей и спешной задачей овладение православием в Польше, чтобы обеспечить себе действительную базу для продвижения в Россию, как только представится к тому возможность. Около шести миллионов православных в Польше сразу же почувствовали на себе Римскую руку.

К усиленной работе против православной России примыкает быв. могилевский римско-католический архиепископ Роопп. Угроза большевизма христианству назревает в России на его глазах; известное движение душ православных перед общей опасностью не ускользает от внимания архиепископа Рооппа; он пишет письмо патриарху Тихону (1918), предлагая совместные собрания православного и католического духовенства для диспутов на религиозные темы. Патриарх согласился; но диспуты не состоялись, как будто по причине отъезда арх. Рооппа из Москвы. Вряд ли эти диспуты принесли бы православию пользу или католикам вред; одно ясно: со стороны Рима была сделана попытка проникнуть в толщу православия, находящегося в критическом положении.

Роль арх. Рооппа именно в этом духе определилась лишь дальнейшими событиями.

В апреле 1923 года в Варшаве состоялось протестующее собрание против зверств большевиков по поводу расстрела прелата Буткевича и суда над патриархом Тихоном; это собрание как бы в духе христианского единения сочувственно посетил тот же архиепископ Роопп, который почти одновременно выдвинул в Риме *проект обращения России в католическую по особому способу.*

По мнению арх. Рооппа, обратить в католичество Россию можно не насилием латинской унии, а католицизмом-«биритуализмом»; этот новый иезуитский прием состоит в том, что, как говорит его автор, «на одной и той же территории не следует устанавливать двух параллельных церковных властей, а необходим один епископ для двух обрядов». Такой биритуальный (двуобрядный) епископат должен быть *безбрачным* (целибат, как у католиков). «Целибат необходимо распространять среди русского духовенства, — говорит в своем проекте арх. Роопп, — это содействовало бы оживлению славянского обряда, давно застывшего... Так бы само собой народ обращался в католичество, а обряд был бы делом второстепенным»[1].

К осуществлению проекта арх. Рооппа еще вернусь.

На устремления Рима на Русский Восток — и в частности на работу в Польше — указывает и хорошо подготовленное Епархиальное Собрание Варшавско-Холмской епархии, состоявшееся в декабре 1933 г. В одной из резолюций Собрания упоминается, что *«земли, заселенные православными* (в Польше) *объявлены Римом миссионерской территорией»*. Не участком для проведения подготовки по *соединению церквей*, а *миссионерской территорией*, то есть объектом прямого обращения православных в католичество.

Свидетельством подготовки католического похода на православную Россию служит также недавний доклад (1936) в «Папском Восточном Институте» ученого иезуита кс. д-ра Швайгеля[2]. Свой доклад он озаглавил так: «Католический апостолат в будущей России». Докладчик нашел, что «большевики прекрасно подготовили путь католическим

---

[1] См. «К сорокалетию пастырства», стр. 33-я, протопресвитера о. Т. Теодоровича. Варшава, 1935.

[2] См. «Русское слово» № 101 за 1936 г. Варшава.

миссионерам, а одухотворенное состояние русского народа, его благочестие и страдания служат залогом успеха проповеди унии на просторах России». Проповедь эта лишь откладывается оптимистом-иезуитом на более удобное время.

Возвращаясь к работе Рима непосредственно в Польше, необходимо указать, как осуществляется здесь проект арх. Рооппа. Под «биритуализмом» подразумевается отнюдь не уравнение двух вероисповеданий, то есть католического и православного, а лишь соединение *двух обрядов католичества*, то есть *латинского* (римско-католического) и восточного (греко-католического, то есть униатского). Православные называются ныне Римом «неприсоединенными»; ни в какой биритуализм Рим с ними не вступает; *православные должны предварительно стать униатами и, лишь будучи таковыми, могут рассчитывать на биритуальное соединение церквей* — католической и униатской.

Поэтому в Польше ведется ныне пропаганда и обращение в унию, и параллельно — биритуалистическое соединение. Так как старое, брестское униатство (в Галичине) католизируется по особому способу, то опыт биритуализма перенесен на свежие места, на Полесье. Там, в Альбертине, работают иезуиты нового образца, *представляющие собой униатов* и вовлекающие в свои сети местное православное население. Эти униаты или католики «восточного обряда» приняли личину православных священников: носят бороду и усы, рясу наподобие греческой, наперсный крест (часто осмиконечный) и даже несколько удлиненные волосы. Иезуиты «восточного обряда» работают на Волыни, Полесье, Виленщине и др. местах, где больше православных. Одной из ячеек (пожалуй, самой крупной) и является полесский Альбертин.

Ниже привожу выдержки об Альбертине из материалов двухмесячника «Oriens»[3] из статьи «Что слышно в Альбертине?» и разъяснительной статьи известного униатского деятеля кс. Петра Табиньского.

Насколько деятельно поддерживается польскими властями работа иезуитов против православных, свидетельствует следующее: в статье «Что слышно в Альбертине?» читаем: «Планы построек (двуобрядного монастыря.— *А.П.*) были поданы на утверждение властей 9 апреля т.г. (1936), и уже 18-го того же месяца Воеводство в Новогрудке разрешило приступить к работам».

Зато на постройку православных сельских храмов или вовсе не даются разрешения, или приход ожидает решения по нескольку лет.

В Альбертине заканчиваются постройки двух храмов — католического и униатского. Работа альбертинских иезуитов охватывает довольно широкий район, вовлекая в католичество население всех возрастов, главное внимание обращая на детей, подростков и юноше-

[3] См. номер «Oriens» за май—июнь 1936 г. «Ориенс» — орган «Восточной Миссии о.о. иезуитов в Польше», работающий на уничтожение православия на Востоке под видом соединения Церквей. Журнал дает всегда самые свежие и хорошо проверенные сведения в этой области, уделяя немало внимания внутреннему разложению православия в Польше. Журнал издается на польском языке в Варшаве (ul. Rakoviecka, № 61).

ство обоих полов. Каждому возрасту придумана особая организация, занятием которой данный возраст легче всего увлекается.

В Вильно существует уже несколько лет униатская «малая семинария» для мальчиков, учащихся в местных школах. Семинария ведется ксендзами Павлом Мацевичем и Виктором Новиковым; они подготовляют послушников для Альбертина. *Иезуитская школа XVI века в Вильне возрождена!*

Ректор альбертинской миссии, кс. Лаский в своем сообщении об Альбертине утверждает: «Мы убеждены, что только организационная работа в состоянии поставить наше дело унии на прочное основание убеждения и выработки наших неоуниатов».

В статье своей «В защиту дела унии» кс. Табиньский цитирует одного автора ксендза (из газеты «Дзенник Виленьский»), который стоит за проведение унии среди православных в Польше на латинском языке богослужения, утверждая, что «латинский обряд будет содействовать ополячению окраин». Кс. Табиньский не имеет ничего против ополячения (русских) восточных окраин Польши, но не находит возможным добиться этого латинской унией: он защищает новейший способ вовлечения в католичество православных, рекомендованный Римом, — двуобрядное соединение с церковнославянским языком богослужения. Перед нами два течения среди ревностных католиков: одни идут на русский православный народ в Польше открыто и грубо, другие — осторожнее. В дальнейшем, приписывая весь ужас коммунистического захвата России тому, что «православие давно уже утратило свое влияние на народ», кс. Табиньский утверждает, что «единственным реальным средством в настоящем тяжелом духовно-культурном положении восточных земель является только *уния настоящая*, то есть католичество *восточного обряда*. Только она одна, хорошо поставленная и поддержанная, в состоянии спасти православный народ от религиозного безразличия и грозных последствий. Только уния может оживить в этих людях религиозный дух...»

Так говорит один из виднейших современных слуг Рима.

Известна также своей энергией «Апостольская Администрация» в Харбине. Деятельность ее на Дальнем Востоке протекает исключительно среди русских православных и знаменуется особенно развитой издательской работой. Кроме множества листовок и брошюр католического содержания, на русском языке, «Апостольская Администрация» издает ежемесячник «Католический Вестник» (по-русски); недавно в том же издательстве вышла «История России» (940 страниц) некоего В. Власова фон Вальденберга; католическая тенденциозность этой книги сама собой разумеется. «Апостольская Администрация» в Харбине имеет свою гимназию для русских мальчиков, а также такое же заведение для девочек, причем, как и везде, проводником русских детей в руки католичества служит материальная помощь со стороны последнего: оба заведения кормят детей бесплатно. В обоих заведениях русским детям преподают историю России по фон Вальденбергу[4].

[4] См. «Oriens» за ноябрь—декабрь 1936 г., стр. 189.

«Апостольская Администрация» в Харбине — не есть ли это новая база Рима для наступления на Россию со стороны Дальнего Востока? Если принять во внимание неминуемое при таких положениях расширение работы посланников Рима, то существованием базы на Дальнем Востоке мы лишний раз убеждаемся в подлинности задач Ватикана.

Не менее любопытные сведения из той же области сообщает иезуитский «Oriens» в книжке за январь—февраль 1937 года. Оказывается, что в «Русском Коллегиуме» в Риме имелся в текущем учебном году 21 ученик: 7 русских, 5 словаков, 2 голландца, 2 эстонца, остальные четыре — француз, итальянец, немец и болгарин. Всех этих людей, как сообщает журнал, «вдохновляет общая мысль посвящения себя работе проповеди католичества в России, как только явятся соответствующие условия, а пока — *работа среди русской эмиграции*». Работа эта ведется на русском языке ксендзом Михаилом Малиновским, супериором познанской резиденции (Римской) в Польше. «Русский Коллегиум» издает на русском языке журнал «Заметки».

Итак, не только среди оседлого населения русской национальности работает непримиримое в отношении православия католичество, но и среди русской эмиграции. Особенно развита подобная работа среди эмигрантов в Бельгии. В бельгийские высшие учебые заведения стекается русская молодежь, бедная, полуголодная; на ее души и охотятся папские слуги...

Опыт прошлого показал Риму, что без полной поддержки со стороны государства, в Польше вообще нельзя рассчитывать на успех. Диктатор Польши маршал Пилсудский, панически боявшийся воскрешения России, поддержал римскую работу, подобно Сигизмунду III; «Католическая Курия» начала ее с того, что уже в 1919 году по всей Польше повела насильственные захваты православных храмов и монастырей, разрушение и запечатывание церквей и так далее.

Некоторые православные храмы подверглись взрывам динамитом.

К концу 20-х годов оказалось, что православные в Польше лишились почти половины своих храмов.

К тому времени на Волыни и в других местах *появилась пропаганда унии*. Этой пропаганде предшествовало таинственно возникавшее сектантство: штундисты, баптисты, евангелисты пытались посеять среди православной паствы замешательство и затруднить положение православных священников на местах.

Показалось и первичное *церковное украинство* — со всеми признаками насилия и поддержки местными польскими властями.

Таким образом, при тех же задачах, в тех же целях окатоличевания русского народа, что и несколько веков тому назад, Рим нашел в XX веке несколько новых путей, но не отказался *от уничтожения православия и национально-религиозного духа в русском народе и старыми, средневековыми методами грубого насилия*.

В чем же убеждает, чему учит нас действительность?

На основании приводимого здесь, далеко не полного по вопросу материала, мы все же устанавливаем, что русский народ в Польше стоит перед *несомненным посягательством со стороны Рима на целостность и чистоту православной веры*, а с этим и на русскую

культурно-национальную сущность; что мы живем во втором периоде весьма реальных попыток со стороны Рима к *введению вместо Православной Церкви — чистого католичества, как на территории Польши, так и на территории будущей России*; что работа Рима в этом направлении, совместно с польским правительством и его административными органами, отличается упорством, многосложностью и намечает пути к конечной победе над православием не только практикой насилия времен Сигизмунда III и других, но и создает пути новые, одинаково угрожающие православию; что весь поход Рима и польских политиков против православия и русского народа снова грозит христианам неисчислимыми страданиями и кровью и что, наконец, подобное осуществление СОЕДИНЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ — не только несправедливость и жестокость, но и намеренный обман, недостойный лона христианства.

Чтобы дать представление хотя бы о ближайшем будущем русского народа в Польше в религиозном и национальном отношениях, в дальнейшем кратком изложении привожу его *настоящее*, дополненное живыми фактами и документами о русских и православии в Польше, что мною сообщено выше.

К сожалению, польские власти, в лице своих официозов, неоднократно пытались опровергать не только наличие исторически сложившейся польской внутренней политики в отношении православного русского населения, но опровергали также существование множества фактов, вытекающих из практики этой политики.

Подобные опровержения были рассчитаны на внимание польского общества, которое не читает русских газет и потому знает лишь одну сторону дела; таким образом, русские православные в Польше оказались вне возможности так или иначе сговориться с народом польским по делам общегосударственного значения, и лишь недавно, в конце 1936 года, несколько польских газет почти вскользь открыли польскому обществу кое-что из русской религиозно-правовой проблемы в Польше. Конечно, этого чрезвычайно мало. Польское общество продолжает пребывать или в неведении о настоящем русских православных сограждан, или, что еще хуже, — готово лишь поддерживать старую традицию ненависти ко всему русскому и православию.

Опровержения подобного характера рассчитаны и на русских за границей, а также на иностранцев, культурный уровень которых выше безразличия к христианской проповеди и морали и к общей жизни христиан. Однако как ни высока русская культура, частности ее проявления, особенно жизнь русского православия, часто ускользают от внимания этих людей по чисто техническим причинам, и по одним опровержениям польской официальной прессы, всегда поддерживаемой государственным представительством за границей, трудно судить о существе положения. А между тем *видимый авторитет* всегда на стороне печати, представляющей *существующее* государство.

Так как дело русских православных в Польше тесно связано с судьбой всемирного православия и с религиозной судьбой будущей России, храня в себе не только задачи морали духа, но и явно выраженную

борьбу с большевистским материализмом, — рассказывать и доказывать настоящее и подлинное положение православного русского народа в Польше представляется необходимым. Поэтому считаю долгом обратить особое внимание читателя на предлагаемые материалы, поскольку он найдет в них живое побуждение к объективным и полезным для всех практическим выводам.

III. Сколько русских в Польше? — Остатки униатов. — Русские и украинство в Церкви. — «Временные Правила» и Автокефалия. — Расправа с епископами

Согласно соответствующим статьям Версальского и Рижского договоров в состав новых территорий Польши вошли следующие земли со значительной частью русского населения (коренного): 7 западных уездов Волынской губернии; Полесье (с Пинском, Сарнами, Барановичами); Гродненская губерния; Виленская губерния; Холмщина и вся Галицкая Русь, граничащая с Чехией на Карпатах.

На этих пространствах (минус часть Восточной Волыни), а также по городам чисто польского происхождения, немецкая статистика времен Великой войны показывает более 4,5 миллионов русских всех трех племен. За 20 лет русское население этих областей (плюс неоккупированная немцами Восточная Волынь) увеличилось до семи миллионов, что составляет без малого 1/4 всего населения Польши, доходящего в настоящее время до 33-х миллионов[1].

Из общего числа русских в Польше имеется около миллиона старых (брестских) униатов (считая и «украинцев»), преимущественно на Галицкой Руси и Карпатах. Остальное русское население — православное. В Галичине православных до 15 тысяч.

Собственно поляков в нынешней Польше около 60% всего населения. Кроме русского национального меньшинства существуют меньшинства: еврейское, чешское, немецкое и искусственно создано как меньщинство «украинское», а также отделяются официально и белоруссы[2].

Галицкая Русь (Галиция) в политическо-национальном отношении

---

[1] См. статью специалиста по меньшинственным вопросам в Европе, проф. М.А.Курчинского «Зарубежная Россия»: «Последние Новости» от 2 и 3 сентября 1934 г.

[2] Им отведены места в сейме, которыми пользуются преимущественно ренегаты-интеллигенты; белоруссы в селах называют себя просто русскими, празднуют День Русской Культуры, читают русские книги и газеты и не признают отделения от русской православной Церкви, на которое работала белорусская газета «Родны край».

занимает особое положение: она разделяется на два враждующих лагеря — русинов (старое имя галицких южноруссов), чувствующих себя русскими, и «украинцев», категорически отрицающих свое русское происхождение; «украинцы» называют себя «украинским народом», «украинской нацией» и стремятся создать «украиньску державу», то есть отдельное государство.

И русины, и «украинцы» — униаты, потомки тех невольных униатов, которые впервые появились на Руси как следствие Брестского собора (1596) и королевского иезуитского террора.

Галицкие униаты — остатки значительно большего количества униатов, населявших Холмщину, Виленщину, Волынь, Полесье и так далее, но возвратившихся в лоно православия после разделов Польши. Подавляющее большинство галицких униатов — «украинцы». *Потеря ими русскости произошла благодаря потере православной веры.* Да и в галичанах русского толка (русинах) уния, как католичество, значительно истребила подлинный русский дух, несмотря на их внешнюю приверженность к русской культуре.

Острая политическая борьба русинов с «украинцами» представляет собой непосредственное следствие давней работы иезуитов. Подхватив стремление к национальным самоопределениям, появившееся в Западной Европе после революции 1848 года, иезуиты принялись исподволь обрабатывать галицкое униатское население на особо национальный лад: этими *верными слугами Ватикана было изобретено украинство, псевдонациональная идея, при помощи которой иезуиты и начали вести систематический отрыв «своих» униатов от прочего русского народа*, живущего своей национальной культурой. Цель этой работы — старая идея создания базы католичества для юга России.

До пропаганды украинства русское население Галичины жило в полном единстве. Успех украинской пропаганды обеспечивал главным образом низкий культурный уровень галицкого населения.

Лишь достаточно укрепившись, идея украинства обратила на себя внимание и встретила препятствие в среде нынешних русинов, не прерывавших некоторой культурной связи с Россией. Со второй половины XIX столетия заметна и контрпропаганда (Зубрицкий, Вагилевич, впоследствии Качковский, Наумович и многие другие). Иезуиты обратились за помощью к австрийскому правительству. Австрийский генеральный штаб нашел стратегически полезным национальный отрыв Галичины от остальной Руси, вследствие чего австрийское правительство взяло под свое покровительство измену «украинцев» русскому народу. Неудачное восстание поляков в 1863 году сильно подогревало энергию польских иезуитов: с этого момента звериная ненависть к «москалям», «кацапам» стала основанием украинства.

Ввиду крайне ограниченного количества галицкой интеллигенции, а также по воле иезуитов, пропаганда украинства сосредоточилась преимущественно в униатской церковной среде. Постепенно униат-

ская Церковь на Галицкой Руси стала ареной внутренней политической борьбы, доходя в нынешние времена до кощунств, чинимых украинцами. Следствием политики в Церкви явился частичный возврат галицких униатов в лоно православия: начиная с 20-х годов XX века, перешла к вере прадедов почти вся Лемковщина (нагорная часть Галичины, в сторону Кракова). Добровольными миссионерами здесь оказались два священника-галичанина, с детства участвовавшие в борьбе с украинством: нынешний наместник Почаевской Лавры архимандрит Пантелеймон и о. Михаил Иваськов.

Встретив препятствие, иезуиты, по примеру своего исторического опыта, обратились за помощью к польскому правительству, которое и без того унаследовало политику австрийской монархии на территории Галицкой Руси. Появились различные формальные и административные препятствия на пути «москевской схизмы».

В виде меры против распространения православия, волею правительства и распоряжением митрополита Дионисия были убраны из Галичины архим. Пантелеймон и протоиерей Иваськов, а в последствии появилась на Лемковщине «апостольская администратура» в лице униатского священника о. Масцюха (с резиденцией в Рыманове). Но тяга к православию среди галичан не прекратилась. Кроме отдельных возвращений в православие среди галицкой интеллигенции и крестьянства, в 1934 году вернулись в лоно православной Церкви более 300 человек в древнем Галиче. Новый миссионер о. А.Новицкий подвергся за это выселению из Галича, а новообращенные галичане и до сих пор не получили от административных властей «учреждения» (?) своего нового религиозного состояния.

Без административного же «признания» православные в Галичине до сих пор лишены возможности совершения треб и таинств по православному обряду, то есть *не могут венчаться, крестить детей, погребать умерших, исповедаться и причащаться и тому подобное, потому что у них нет своего храма и священника*, — и то и другое запрещено властями. Вынужденные обращаться при погребениях к униатскому духовенству, православные Галича встречают условие: «*переходите обратно в унию, тогда и похороню*». То же происходит и с остальными таинствами. Почти три года местные власти оттягивают признание галичан православными, требуя при этом бесконечных денежных уплат, зная о несостоятельности православных галичан.

Прекрасной иллюстрацией положения в Галиче является следующее: в 1935 году в Галич прибыл для совершения богослужения и ряда таинств, накопившихся за долгий срок, благочинный из Львова. Прибыл он скрытно, на санях под соломой. После совершения богослужения и таинств (под открытым небом) *административные власти внушили православному священнику, чтобы он без их разрешения больше не появлялся в Галиче.*

Стесненные невыносимым положением в течение столь продолжи-

тельного времени, некоторые *галичане-православные вынуждены были вернуться в унию...*

О галичском средневековье почти ничего не знает широкая русская общественность, так как цензура не пропустила в русской печати в Польше самых вопиющих моментов.

Как же назвать подобные взаимоотношения русского православного населения и польского государства, если не *преследованием православия?*

Как определить действия католического духовенства в отношении преследуемых православных, если не *насилием?*

А в совокупности — не будут ли приведенные факты признаками *гонения* на православие и русских?

Резко противоправославный дух Ватикана свидетельствуется также и следующим, сравнительно менее заметным и «мирным» фактом: умерший в марте 1936 года апостольский администратор на Лемковщине о. Масцюх похоронен митрополитом униатским Андреем Шептицким при непосредственном участии католических (латинских) епископов, что представляло собой демонстрацию Ватикана против православной Галицкой Руси[3].

Результаты многолетней работы иезуитов среди галицких униатов превзошли самые смелые ожидания: *благодаря «украинской национальной идее» в ее галицком издании, Россия в 1918 году едва не лишилась всего своего юга.* Вторая подобная попытка создать «самостийную Украину» относится к 1920 году; участник киевского похода польский генерал Т.Кутшеба печатно утверждает, что целью этого похода (1920) было создание для Польши союзника против Северной России в лице «Народной Украинской Республики», состоящей под протекторатом Польши...

Не подлежит никакому сомнению, что, будучи отторгнутой от России, так называемая Украина подверглась бы иезуитскому опыту окатоличения. Таким образом, получила бы оправдание мысль, что *наступление Рима на православную Россию свершилось бы также и через украинство и «Украину».*

Прямое подтверждение этой мысли мы встречаем на переломе 1936-го и 1937 годов: в конце 1936 года во Львове состоялся униатский съезд, приуроченный к трехсотлетию смерти униатского Киевского митрополита Иосифа Рутского. Резолюции этого (неожиданного в униатской церковной жизни) съезда ясно указывают на *миссию и путь галицко-униатского украинства.* Из резолюций съезда беру важнейшие для нас, православных русских.

---

[3] См: статью и иллюстрации в журнале «Ориенс» за май—июнь 1936 г.

Пункт II гласит:

«Католицизм восточного обряда (новое название унии. —*А.П.*) вполне соответствовал в прошлом духу украинского народа и обладает силами, чтобы в будущем спасти весь украинский народ от религиозно-нравственной разрухи после ныне существующего периода безбожия на Украине»[4].

Пункт IV:

«Все идеи митрополита Рутского, а также идея киевского патриархата, могут быть использованы и теперь в целях развития украинского католицизма, служа руководством этому развитию».

Как известно, митрополит Иосиф Рутский, поставленный польским правительством в православном Киеве (1613 — 1637), сподвижник Поцея, *стремился ввести латинизированную унию на всем Юге Руси с целью религиозного, а затем и политичекого отторжения южноруссов от Русского Севера*. Деятельность Рутского протекала не совсем счастливо, но под непосредственным руководством Ватикана, простираясь до Сербов и Валахов включительно.

В пункте VII (параграф 1) съезд требует от папы разрешения для униатского духовенства «украинской» Галичины *пропагандировать унию* «среди неприсоединенных» *на территории всей Польши*, а в пункте VIII (организационном) находим следующее:

«c) привлекать светских людей к проповеди унии — в рамках католической акции».

«d) обратиться к пастырям Украинской Католической Церкви с просьбой установить во всех храмах Неделю Молитвы с соответствующей проповедью в том направлении, чтобы вся галицкая Церковная Провинция в полном единении и в духе митрополита Рутского решительно и энергично шла к осуществлению среди украинского народа завета Христа: «Чтобы все были едино»[5].

Пункт VII и VIII не оставляют никакого сомнения в том, что львовский униатский съезд — не что иное, как идея и рука Ватикана, расширяющего свою деятельность на территории Польши. Инсценировка испрашивания «разрешения проповеди унии среди неприсоединенных» силами всего украинско-униатского духовенства представляет собой необходимость иметь в распоряжении Ватикана «глас народа», пекущегося о местных интересах, чтобы на этом основании приступить к изменению конкордата с Польшей, ограничивавшего до сих пор униатскую пропаганду среди православных.

Нет сомнения, что этот конкордат в настоящее время устарел и для польских политиков: длительная подготовка развала православия в

---

[4] Коротка память у «украинцев»: войны Богдана Хмельницкого были ведь на родными войнами южноруссов («украинцев») за веру православную — против католицизма... Народ восстал против унии 10 лет спустя после смерти митр. Рутского, вызвавшего своей работой это восстание...

[5] См. украин. газету «Мета» № 1 за 1937 г. Львов и «Ориенс» за январь—февраль 1937 г.

Польше находится теперь в таком состоянии, что пора приниматься и за цель ее, то есть за подготовку русского населения к принятию католичества или непосредственно приближаться к этому.

После всего сказанного становится понятным то внимание, каким *издавна пользуется украинство в «Папском Восточном Институте» в Риме и всячески оберегается и культивируется общими силами Варшавы и Рима*: первой нужна «Народня Украиньска Республика», чтобы обеспечить себе жизнь ослаблением России, и второму — чтобы извести в России «схизму»...

Считаю долгом посоветовать тем русским, которые склонны так или иначе поддерживать украинство: не играйте в ложный либерализм, чтобы не угодить на историческую скамью подсудимых за предательство России и за поджог Православной Церкви. Прочь от украинства, долой украинство!

К этому чрезвычайно краткому обзору галицко-униатского украинства следует прибавить, что параллельно с Альбертинским «биритуализмом» чисто латинского характера, в Галичине происходит систематическая латинизация местной униатской Церкви, еще сохранившей нечто от православия. Правда, среди галицких униатов есть много сторонников оставления в прежнем виде богослужебного языка (церковнославянского с южнорусским выговором), из которых первым является митрополит Шептицкий, однако не остается секретом, что богослужебный язык брестских униатов будет заменен латинским тогда, когда будут начисто латинизированы догматы и каноны Церкви, к чему в настоящее время и стремятся латинизаторы унии, и в их числе первый — митрополит Шептицкий.

Прежде всего, униатский галицкий церковный клир постепенно делается безбрачным. Этот латинизирующий шаг рассчитан на несколько поколений: в униатской духовной семинарии во Львове, по распоряжению свыше, уже ряд лет не принимаются те лица, которые не дают подписки в том, что останутся в целибате; женатое духовенство вымирает...

Затем делаются вымарки в богослужебных текстах, вроде следующей: уничтожается из обихода возглас «и всех вас *православных* христиан», становится необязательной исповедь перед причастием и так далее. Эти существенные перемены отклоняются священниками-русинами, за что последние терпят всевозможные притеснения со стороны высшей церковной власти. Неоднократные жалобы на подобную политику Рима внутри униатской Церкви раздавались со страниц русско-галицкой печати, а также на съездах Русской Славянской Организации во Львове, а русинское духовенство лично обратилось к митр. Шептицкому с соответствующими заявлениями.

Львовский съезд 1936 года становится понятен в известном смысле и тем, что в его резолюциях почти нигде не упоминается термин «*греко*-католическая акция», «*греко*-католическая Церковь» и тому подобное; взамен этого выражения украинско-униатский съезд просто говорит — «*католическая*»...

Остается сказать несколько кратких слов об украинстве православном, главная масса которого расположена на Волыни.

Волынское украинство — это отрыжка петлюровщины, вдохновленной в свое время галицко-австрийским украинством. На Волыни его создали, вернее, искусственно удержали на поверхности жизни сподвижники «головного атамана», сохранившие кое-какие связи с польским военным представительством, а также малокультурные, зато великокорыстные элементы полубольшевистской складки; эти безошибочно учуяли во внутренней «украинской политике» молодого Польского государства неплохой кусок пирога. Лидеры этого украинства — бывшие псаломщики, ремесленники, учителя, мелкие кооператоры, базарные торговцы — Бура, Скрыпник (родной брат известного большевика), Тележинский, Головацкии, Богуславский и так далее; бывший сотрудник московского «Русского Слова», варшавской эмигрантской «За Свободу» и редактор-издатель «Украиньской Ниви» Петр Певный или петлюровский «товарищ министра», протоиерей (ныне архимандрит) Выдыбида-Руденко — выделяющиеся исключения. Центр волынского украинства в г. Луцке.

Волынское украинство оказалось значительно скромнее в своих требованиях в отношении Польского государства, вступив на путь «сотрудничества с правительством». Однако 1936 год оказался переломным и здесь: глава волынского украинства Петр Певный, *расходившийся с политической программой галицких украинцев — униатов-католиков*, неожиданно оказался не у дел, и вся программа волынского украинства, ведомая ныне другими лицами, сильно приблизилась к программе и практике галицкой.

Это произошло в связи с общим оживлением на фронте наступления Ватикана на православие и с решительными фазами гонения на последнее в Польше: иезуиты приступили к постройке сплошного фронта нужного им украинства вдоль восточнорусской границы Польши.

Кроме систематической и многолетней пропаганды волынского украинства среди крестьянского населения, кроме многих льгот и финансовой поддержки со стороны государства (ряд украинских научных, кооперативных, медицинских, воспитательных и других культурно-национальных учреждений, библиотек, школ, издательств и тому подобное получают субсидии), *волынское украинство и его лидеры получили негласное право завладеть православной Церковью местной Волынской епархии.*

Это право, как увидит читатель ниже, всесторонне поддержанное правительством Польши, привело к так называемой *украинизации Церкви* — самому ощутительному виду замешательства в православной Церкви в Польше перед решительным наступлением на нее римских иезуитов.

Русское население Волыни, так же как и Галичины, оказалось пасынком Польского государства, превращенное в народных переписях в «украинцев» по национальности и в бесправных граждан в жизненной

практике. *До сих пор русское национальное меньшинство не признано официально.* Однако русским было предоставлено место в сейме еще в 20-х годах (хотя с русскими представителями никто и никак не считался и не считается). Национальным меньшинствам — еврейскому, «украинскому», немецкому, чешскому государство отпускает субсидии для их благотворительной, экономической и культурно-просветительной деятельности; неоднократные же выступления в сейме *русских* депутатов в течение ряда лет по тому же вопросу остаются втуне: ни русские общественные школы, ни благотворительные учреждения, ни экономические организации не получают от государства никакой поддержки. Последнее безрезультатное выступление русского депутата сейма в сеймовой бюджетной комиссии, с просьбой *издать положение о русской начальной школе*, состоялось в феврале 1937 года. У других меньшинств эти положения существуют давно.

Бесправное положение русского национального меньшинства в Польше целиком отразилось на русской Церкви и пошло параллельно с ее положением. Так, переименовав русских православных (мы не говорим — *великороссов*, а *русских)* в «украинский народ», «белорусский народ», «эмигрантскую интеллигенцию» и «росиян» (через одно эс), Польское государство не признает и православную Церковь русской Церковью. Однако подобного национального дробления Польское государство не допускает в отношении племен польского народа: от существования мазуров, кашубов, малополяков, велькополяков и прочее польская католическая Церковь не перестает быть п о л ь с к о й.

Ведя твердой рукой национально-польскую внутреннюю политику, Польское государство стремится завладеть православной Церковью, «огосударствить» ее (upaństwowić) и придать ей желательную Риму и Польше суть и роль.

Прежде чем начать решительный эксперимент такого рода, Польское государство приступило к осуществлению весьма важного шага, начатого еще в XVIII столетии, но прерванного разделами Польши, — к отрыву православной Церкви от Москвы, то есть к введению *автокефалии.*

В возрожденной Польше (конец 1918 года) оказалось несколько православных епископов, не объединенных церковно-административным центром. В Варшаве епископа не было.

Епископ Белостокский Владимир ведал Варшавско-Холмской епархией; Волынской епархией (самой большой) управлял епископ Кременецкий Дионисий (ныне митрополит); Виленская епархия управлялась архиепископом Елевферием и Пинская — епископом Пантелеймоном; в Яблочинском монастыре жил викарный епископ Сергий.

Польское правительство, ознакомившись с характером и настроениями упомянутых епископов, не нашло возможным провести автокефалию при их помощи. Начались поиски епископа, способного провести желания польских и римских политиков, как это не раз было при Сигизмунде III. После соответствующих переговоров польское прави-

тельство пригласило из эмигрантского зарубежья бывшего Минского архиепископа Георгия[6], *добившись от патриарха Тихона утверждения этого иерарха митрополитом в Польше.*

Архиепископ Георгий прибыл в Варшаву в августе 1921 года и тотчас же приступил к организации высшего церковного управления в Польше, то есть Синода, в который вошли вышеперечисленные епископы.

Возник вопрос об урегулировании взаимоотношений Церкви и государства. Инициативу в этом деле взяла на себя, как и надо было ожидать, польское правительство: вместо простой ссылки на соответствующие статьи Конституции о свободе вероисповеданий *министр исповеданий предложил синоду так называемые «Временные Правила»*, изданные его министерством 30 января 1922 года.

«Временные Правила» по своему духу и смыслу не давали никаких *гарантий Церкви* в ее преуспеянии и внутренней неприкосновенности. Наоборот, этот министерский устав жизни и управления Церкви хотя и считался как бы несерьезным, временным, однако отдавал ее в полное и реальное распоряжение административных властей и притом на неопределенное время. Последнее оказалось самым существенным, ибо *за 15 лет действия* «Временных Правил» Церковь понесла великие потери и деформацию.

Главный смысл «Временных Правил» для Рима и польских политиков заключается *в удержании синодально-консисторского управления Церковью, то есть в недопущении соборного начала*; средневековый опыт Рима показал, что в интересах католичества куда легче и проще справиться с *самостоятельными* православными епископами, чем с *организованными мирянами*. Отсюда такое длительное и — пока — не преодоленное православными действие «Временных Правил».

Митрополит Георгий, будучи приглашенным на занимаемый пост польским правительством, почувствовал себя связанным, получив предложение министерства, а некоторые личные качества владыки, от которых и в XVI столетии часто были не свободны избираемые королевской властью православные иерархи, окончательно лишили его возможности критически отнестись к предложенным «Временным Правилам».

Истинное значение «Временных Правил» для русских в Польше было, однако, определено при рассмотрении Синодом.

«Временные Правила» подписал митрополит Георгий и последовал ему лишь один (из пяти) епископ. Это был епископ Кременецкий Дионисий, нынешний глава автокефальной Церкви в Польше.

Епископы Елевферий, Владимир, Пантелеймон и Сергий не подписали «Временных Правил». Однако это не смутило министерство исповеданий: «Временные Правила» вошли в практику церковной жизни, сохранившись и до сих пор и послужив основанием всестороннего упадка Церкви.

---

[6] См. протопр. о. Т.Теодорович: «К сорокалетию пастырства», стр. 13.

Недопустимо предположение, что правительство *не знало* о принятии «Временных Правил» меньшинством голосов Синода. Таким образом, отдаление желаний верующих (чему свидетели — четыре епископа) или лишение их этого желания — созыва Собора с целью установления соборного начала в управлении Церковью — является со стороны польского правительства незаконным, поскольку оно приняло *такое решение* Синода.

На основании вышесказанного позволяем себе сделать несколько выводов:

1) Административные «Временные Правила», не обладая силою закона, в течение 15 лет предоставляют произволу местных властей православную Церковь в Польше как в правовом и имущественном, так и в духовном отношениях. Такое положение в корне противоречит соответственным статьям Версальского договора от 28 июня 1919 года, а также Конституции Польского государства от 17 марта 1921 г. и 23 апреля 1935 года. *Этими тремя актами гарантируется всем гражданам Польши не только свобода вероисповеданий, но и невмешательство государственной власти в устроение их вероисповедной жизни.*

2) Возглавляющим православную Церковь в Польше оказалось *лицо, исключительно желательное польскому правительству*, а не свободно избранное верными, как того требуют каноны православной Соборной Церкви. Это явление невозможно не признать *прямым вмешательством в вероисповедную жизнь русского православного населения в Польше со стороны Польского государства.*

3) Вмешательство Польского государства в вероисповедную жизнь православных русских подданных особенно подчеркивается тем, что прочие вероисповедания в Польше отнюдь не терпят вмешательства польских властей. Пропаганда же унии, то есть католичества, *соединенная с антирусской пропагандой и поддержанная государственной властью* (Альбертин, Галич и другие, униатское украинство и украинство волынское) ведется на всей территории, населенной православными, настолько энергично, что *вносит в жизнь православной Церкви существенное замешательство.* Львовский униатский Съезд, состоявшийся в декабре 1936 года, не только подтверждает существование усиленной пропаганды уний среди русского народа, но и подчеркивает возможность максимального *расширения этой пропаганды, то есть обещает еще большее замешательство среди православных верных и притом с целью политической*, тогда как православная миссионерская работа в Польше почти не допускается.

4) Исключительно благодаря вмешательству польских светских властей в вероисповедные дела русского православного народа, *Церковь православная в Польше до сих пор лишена соборного устроения*, то есть основного момента ее благополучного и независимого существования. Следствием этого положения является не только ненормальная зависимость православия от равноправного с ним в стране католичества, но и постепенное и искусственно возрастающее превосходство ка-

толичества, носящее характер порабощения православия и лишения его религиозно-нравственного смысла — со всеми вытекающими отсюда общественно-практическими последствиями.

5) Так как подобное положение православной Церкви и русского народа в Польше длится и возрастает в течение 15 с лишним лет, то допустимо назвать его преднамеренным *гонением на православие и русских.*

6) *Ответственность за насилие над совестью верующих православных не может быть снята с польской государственной власти участием двух православных епископов в утверждении «Временных Правил»; ибо кто, как не государственная власть, должен следить за закономерностью актов государственного значения?* — тем более если акт совершается не в пользу подданных и при непосредственном участии представителей власти.

Преградив путь православным к с о б о р н о м у устроению Церкви «Временными Правилами», польское правительство приступило к закреплению успеха: к непосредственному проведению *автокефалии.*

Московский патриарх Тихон *решительно высказался против автокефалии.* Он утвердил архиепископа Георгия митрополитом в Польше лишь при условии подчинения Церкви в Польше Московскому патриархату.

В вопросе автокефалии обнаружилось существенное разногласие и в сонме епископов, входящих в состав варшавского Синода.

И тем не менее, в заседании Синода *14 июня 1922 года*, под председательством митрополита Георгия и при непосредственном участии представителей государственной власти, была у с л о в н о *принята автокефалия русской православной Церкви в Польше*[7].

Официально автокефалия была утверждена лишь три года спустя, когда польским и иезуитским правящим факторам удалось заменить всех епископов, не подписавших ни «Временных Правил», ни автокефалии. *Автокефалию не приняли архиепископы Елевферий, Пантелеймон и Владимир и епископ Сергий.*

Польское правительство не замедлило *расправиться с этими защитниками православной Церкви.* Трое были высланы за пределы Польши административным порядком, *подобно тому, как в XVI столетии королевская власть высылала из пределов Литвы и Польши защищавших православную Церковь от унии священников и мирян; архиепископ же Пантелеймон заточен в Жировицкий монастырь* (Гродненской епархии)[8].

---

[7] Условность автокефалии объясняется тем, что из шести епископов ЗА автокефалию в Синоде высказались лишь митр. Георгий и епископ Дионисий.

[8] В Польше распространена версия, по которой епископы Елевферий, Владимир и Сергий подвергались преследованиям по просьбе митр. Георгия, а также, что епископ Пантелеймон не выслан лишь потому, что он по происхождению поляк. Последнее совершенно верно. Первое же подлежит основательному сомнению: польским политикам не надо указывать их противников, так же как Риму — противников католичества...

Высылка из Польши арх. Елевферия сопровождалась характерными подробностями: Владыку обманным путем выманили из квартиры и секретно вывезли под Краков, в камедульский *католический монастырь*, в котором православный архиепископ провел несколько недель, отрезанным от всего мира.

Административная высылка польскими властями трех православных епископов, не признавших автокефалии русской православной Церкви в Польше, по причине канонической и правовой незаконности этой автокефалии, явно доказывает не только вмешательство государственной власти Польши в вероисповедные дела православных подданных, но и указывает на *стремление власти принудить Церковь, путем административного террора, подчиниться всем министерским требованиям.*

При таких настроениях начались первые шаги польской правительственной власти (со скрытой пружиной Ватикана) к осуществлению о т р ы в а православной Церкви в Польше от Московского патриархата, а впоследствии — и от Константинопольского...

IV. Убийство митрополита Георгия. — Новый митрополит и утверждение автокефалии. — Ближайшие итоги: святотатства и кощунства, материальный разгром Церкви

Не прошло и года по восстановлении Польши, как государственная власть принялась «сокращать» православие, не руководствуясь при этом никакими законными основаниями.

Так, Генеральный комиссар Восточных Земель издал 22 октября 1919 г. *распоряжение* (административное) *о возвращении римско-католическому духовенству 497 православных храмов и часовен*, якобы захваченных в прошлом у католиков для нужд православного исповедания.

Это распоряжение, касающееся почти пятисот православных алтарей, разбросанных по всей восточной территории Польши того времени, внесло сразу и повсеместно трепетную тревогу среди верных и недоверчивую настороженность к новой государственной власти.

Инициаторами этого дела были католические духовные власти. Не только на восточных окраинах, но и в коренной Польше католические священники в большинстве случаев не ожидали, когда придут к ним православные настоятели приходов с ключами от храмов, а сами приходили за ключами.

Так как в подавляющем большинстве случаев храмы, преднамеченные Генеральным комиссаром, были со спорным прошлым, то первый же год польского владычества на русских землях огласился воплями насилия: ксендзы часто приходили с толпами своих верных, еще не остывших от четырехлетней убийственной войны, и пытались отнимать православные храмы силою...

Чем не картина печального средневековья?

Намеченные к отнятию у православных храмы в большинстве принадлежали к тем святыням, *которые были отняты у православных польско-католической властью в годы свирепого насаждения унии*, а впоследствии, после разделов Польши, возвращены русским людям, покинувшим унию. Доказать эти обстоятельства в краткий срок не

всегда представлялось возможным, католическая же ревность и чувство своей власти — не допускали промедлений...

Так был дан первый официально освященный сигнал к борьбе против православия в XX веке.

Война Польши с большевиками (1920) несколько умерила пыл нетерпеливого католичества; однако последствия этой войны — новые территориальные приобретения Польши на востоке, заселенные русским православным народом, — с новой силой возбудили ревность католиков против «схизмы»: Католическая Курия приступила к планомерному (и наполовину правовому) наступлению на православные святыни, возбуждая против себя русское население.

Ко времени подписания митрополитом Георгием «Временных Правил», и тем более ко дню «условного» принятия автокефалии, православное население Польши достаточно убедилось в явной враждебности к себе католической Церкви и государственной власти. Акт подписания автокефалии высшей православной иерархией при таких обстоятельствах сильно насторожил многих верных; в этом акте видели крупный и чреватый тяжелыми последствиями промах митрополита Георгия. Но все же известие о насильственной смерти последнего потрясло все православное русское население Польши: 8 февраля 1923 года в Варшаве митрополит Георгий был убит (несколькими выстрелами) *архимандритом Смарагдом* (Латышенко), одним из многих противников автокефалии и всей установившейся церковной политики[1].

Это небывалое в истории православной Церкви преступление многие православные приняли как искупительную жертву и вместе с тем как крайнюю степень протеста русского народа против твердо наметившегося похода на православную Церковь.

Но чудовищный протест не смутил, а как будто лишь ободрил представителей папы и польской светской власти: поход на Церковь продолжался безостановочно, лишь утончилась его внешность, — польские правители, в меру цивилизации XX века, стали действовать не спеша, осторожно, однако не отказываясь отчасти от методов XVI столетия: творить гибель православия и русскости якобы руками православных же.

В числе других новейших средств полонизации русского населения и уничтожения православия оказалась польская школа. Язык обучения, система преподавания, польский патриотическо-политический тон жизни школы, а впоследствии — *насильное преподавание русским детям Закона Божия на польском языке*, учебники польской истории, мешающие с грязью Россию и русских, — все это очень помогало (и помогает) расправляться с русским православием без особенно заметных внешних признаков.

---

[1] Архимандрит Смарагд лишен сана и приговорен польским судом к 12 годам каторжной тюрьмы. Отказавшись от досрочного освобождения (по болезни), он отбыл наказание в 1935 году и выехал в Чехию.

Как и следовало ожидать, заместителем убитого митрополита Георгия оказался недальновидный для дела Церкви, но не забывающий о себе, епископ Дионисий. Любопытную характеристику этого иерарха дал в польской печати (для поляков?) близкий к нему епископ Люблинский Савва (Советов): в крупной краковской газете «Ilustrowany Kuryer Codzienny» от 21 октября 1936 года читаем, между прочим, следующее:

«Заняв пост архиепископа Волынского, он был горячим и активным сторонником автокефалии Православной Церкви»... (курсив польский. —*А.П.*)

Подготовив таким путем свое место в истории Церкви еще в 1920 г. и став на стезю правительственного угодничества, новый митрополит вообразил себя Петром Могилой (сотрудничавшим удачно для православия с правительством короля Владислава IV). Однако подобный опыт вполне не удался варшавскому митрополиту.

Человек умный, но слабохарактерный, упрямый, тщеславный и всегда нуждающийся в советниках, митрополит Дионисий скорее подобен герою Бреста, митрополиту Михаилу Рагозе, по выражению князя Острожского — «шатущемуся и сластолюбивому». Как и злополучный иерарх XVI века, митрополит Дионисий очень скоро оказался в руках очень ловких людей, а затем и в плену у министерства исповеданий.

Увешанный польскими орденами и звездами, получая высокий оклад жалованья и превратившись мало-помалу в сановника, митрополит Дионисий принял окончательно и канонически незаконную автокефалию.

В Варшаве, в митрополитальной церкви Марии Магдалины (на Праге) при весьма торжественной обстановке, то есть в присутствии трех митрополитов, сонма епископов, священства и представителей польского правительства, 17 сентября 1925 года митрополиту Дионисию был вручен «Томос» Синода Вселенской Константинопольской Церкви об автокефалии православной Церкви в Польше.

Среди иерархов, съехавшихся с разных концов Европы и Азии, не было лишь представителя патриарха Московского Тихона: он умер, не благословив губительную автокефалию. Не определил автокефалию, как положено по канонам православной Церкви, и Собор; митрополит Дионисий Собора не созвал. *Автокефалия оказалась самочинием и насилием.*

Так восторжествовал дух «Временных Правил».

Конечно, такого рода насилие, существо которого равно важности государственного акта, не может остаться незамеченным историей. Вскоре развернувшиеся события подтвердили это полностью; их приход и смысл предугадывали все те, кто был против автокефалии, пострадав за это.

Так, после расправы с епископами, не подписавшими автокефалию, приходский священник Гродненской епархии о. Лука Голод заявил

своему епархиальному начальству, что *не может признать действительной неканоническую автокефалию* и остается в подчинении Московскому патриарху. Варшавский Синод, в составе новых лиц (митрополит Дионисий, архиепископы: Гродненский — Алексий (Громадский), Пинский — Александр и Виленский — Феодосий), *по предложению арх. Алексия, лишил сана и благодати о. Луку Голода*, создавшего в Вильно *Патриаршую Общину*; одновременно Синод отлучил от Церкви десять членов этой Общины, во главе с сенатором В.В.Богдановичем (польского сената)[2].

Затем, ободренные «самостоятельностью» митрополита Дионисия, «украинцы» почти в спешном порядке добились от него перевода богослужебных текстов на «украинский язык». Это было началом насильственного разложения Церкви на Волыни: невольно (или сознательно) подражая польской внутренней политике, митрополит Дионисий признал малороссов Волыни, Холмщины и Полесья отдельной нацией, что, в свою очередь, обязало митрополита принимать у себя и считаться совершенно конкретно с «украинскими» депутатами сейма. Задачи же этих политиков, в числе которых есть даже безбожники (Скрыпник, Бура), сводятся к общим задачам внутренней и внешней, церковной и гражданской политики Польского государства, о которых сказано выше.

За «украинцами», при известных усилиях правящих элементов, почувствовали себя «отдельным народом» и белоруссы (подставные лица из белорусских депутатов сейма), и тоже потребовали свободы в Церкви. Митрополит уступил.

Православная Церковь в Польше стала молиться на трех языках. Особенную жизненность и развитие достигнутого успеха проявили «украинцы». Во Владимире, Ровно, Кременце, Луцке, Дубно и других городах, а затем и в селах и местечках «украинцы», организованные из местных элементов депутатами сейма, принялись отнимать храмы у «москалей», с которыми только вчера мирно молились в том же храме. Различные съезды, собрания и заседания «украинцев» (иногда, к сожалению, с участием священников) стали выносить резолюции и ультимативные требования, адресованные высшей церковной власти, о передаче храмов и приходских имуществ «украинским парафиям». Во Владимире завязалась тяжкая борьба за древний собор. В других городах и селениях «москали» вытесняли украинцев из захваченных храмов. Жалобы, делегации, слезы и даже кровь — все направилось в автокефальную растерявшуюся митрополию, — верили, что все это не она учинила, ища у нее защиты, пытаясь добиться правды и успокоения.

---

[2]После весьма трудного десятилетнего существования Патриаршая Община в Вильно разгромлена и закрыта, а храм ее опечатан. О.Лука, возведенный в сан протоиерея Московским патриархом Тихоном, выслан за пределы Виленщины. Ликвидация Общины совершена административными властями (1936).

Но было поздно. Смута посеяна прочно, и ей суждено было только множиться...

В 1922 году, окруженный позорными заборами, с полуразрушенными золотыми куполами стоял еще в Варшаве величественный православный собор. Но пришло испытание Господне. Остатки храма прикончил динамит. Погибли большой ценности наружные мозаики, погибла с ними и вера у некоторых православных в силы автокефальствующей митрополии, не отстоявшей святыни. В то же время под жидовской пятой рушились один за другим храмы в России...

Католическая Курия, видя непомерную слабость от всего мира оторвавшейся православной Церкви, повела со своей стороны наступление, подняв совокупный грандиозный «ревиндикационный процесс», добиваясь в государственном суде отнятие у православных 718 храмов. Суд вынес постановление сообразно государственной политике: лишь 10 храмов признал принадлежащими католикам и подлежащими возвращению, остальные же 710 определил усмотрению местных административных властей, то есть обрек на постепенное и незаметное (в течение, быть может, долгого времени) исчезновение со списков православных святынь.

Я сейчас расскажу о храме в Вышгородке, на Волыни. История вышгородского храма — не отдельный эпизод, а прототип многих и многих подобных насилий со стороны посланников Ватикана, настолько поддержанных Польским государством, что между этими двумя факторами гонений православия и русского народа почти невозможно провести разграничивающую черту.

Местечко Вышгородок — древнее русское поселение. Небольшой православный храм Вышгородка, по специальному установлению ученых-археологов, построен в XII—XIII веках. Нашествие татар и стихийные бедствия не раз повергали храм в руины. В XVIII веке сгоревший храм оказался на частновладельческой земле помещика-поляка, был им отстроен и превращен в католическую часовню. Земля помещика Ржищевского переходила из рук в руки. Ничтожная часть католиков в Вышгородке не интересовалась часовней. В XIX столетии оставил часовню и католический священник. Часовня стала разрушаться. Кто-то из просвещенных русских установил происхождение этого древнего *православного* храма. Католическая часовня снова превратилась в православный храм, с тех пор наполнявшийся молящимися православного Вышгородка (1891). Распоряжение Генерального комиссара Восточных Земель от 22 октября 1919 года № 25 захватило и вышгородский православный храм. Православные возбудили протест. С 1920 года началось дело в суде. *Два судебных приговора признали вышгородский храм собственностью православной Церкви.* Однако решение Верховного Суда от 20 ноября 1933 года, относящееся к 718 храмам, заполучения которых с 1929 года добивалась Католическая Курия, определило и вышгородский храм (в числе 718) на усмотрение административных властей, сослав-

шись на распоряжение вышеупомянутого Генерального комиссара Восточных Земель.

На основании этого решения Высшего Суда, волынский воевода Н.Юзевский декретом своим от 2 июля 1935 года отдал вышгородский храм католическим духовным властям. Передачу совершил кременецкий уездный староста[3].

Польская газета «Пшеводник Католицкий» от 18 августа 1935 года, издающаяся на Волыни, сообщает (с иллюстрациями) о передаче вышгородского храма католикам, упоминая вскользь в его истории, что в Вышгородке почти нет католического населения; митрополия же насчитывает в Вышгородке 3000 православных; эти люди ныне остались без храма, ибо кладбищенская часовня ничтожна по размерам.

В результате — в чем реальный смысл истории вышгородского храма?

Не вдаваясь в юридические тонкости, местное население правильно определило: «если забрали церковь в Вышгородке, то заберут и остальные 700 с лишним храмов, достаточно декрета воеводы»... Соответствующее настроение в среде русского православного населения растет. Оно чувствует над собой *насилие и произвол.*

Одним из итогов «свободного» автокефального житья православной Церкви в Польше является и когда-то нашумевшая в печати трагедия в селе Жабче, на Волыни (1929). Католический священник пожелал завладеть жабчинским храмом, не имея на то никаких законных оснований. Он несколько раз являлся с этой целью в село в сопровождении осадников-католиков[4]. Борьба за храм приняла острые формы. Жабчинские крестьяне заперлись в храме и с молитвою оставались там, во главе со своим настоятелем, дни и ночи в течение двух недель. Стояли трескучие январские морозы. В воскресенье, во время литургии, когда храм был открыт для молящихся, в него вошел ксендз в сопровождении полицейских с винтовками и потребовал очищения храма. Служба продолжалась. Тогда *полицейские ворвались в алтарь, силою вывели облаченного священника, поволокли к выходу, срывая ризы. Другие прикладами очищали храм от молящихся.* На погосте произошло столкновение между полицейскими и крестьянами, защищавшими священника; оказались раненые. Храм очистили, заперли и опечатали. Священника и нескольких крестьян арестовали.

Через несколько недель храм был возвращен жабчинским крестьянам. Но несколько русских людей вскоре предстали перед польским уголовным судом и отбыли тюремное заключение.

Что же такое жабчинская трагедия? «Ошибка местных властей»?

Увы. Таких историй знает православная Волынь, Полесье, Холмщи-

---

[3] См. польский еженедельник «Волынь» от 21 июля 1935 г. и «Правоелавна Информация Прасова» (на польском языке) № 79 за 1935 г., Варшава, а также газ. «Слово» за август 1935 г., Варшава

[4] Осадниками называются в Польше военные колонисты, размещенные попечением государства на конфискованных землях (от 10 десятин на мужскую душу) за труды их по восстановлению Польши. «Осады» разбросаны среди русского православного населения в целях полонизации последнего.

на столько, что об «ошибках властей» говорить не приходится. Сотни запечатанных, отнятых и разрушенных храмов — это уже с и с т е м а м и н и с т р а, а не ошибка участкового полицианта.

События в Жабче и их последствия можно определить только как насилие над совестью верующих, возведенное в систему и равняющееся преследованиям православной Церкви в Польше в средние века.

Острота «свободы», дарованной Польским государством православию в виде автокефалии Церкви, запечатлена и на дивном храме в Белостоке. Очень большого размера храм, на просторной площади среди города, стоит ныне обросший травами по карнизам, а на одном из куполов — вздымается береза...

Храм в Белостоке был закончен лишь вчерне, за несколько дней до прихода немецких войск в 1915 году; золоченые кресты на куполах теперь сияют в лучах солнца, как новые. Храм и участок земли под ним оспариваются православными у польского правительства, города и Католической Курии. Двенадцать лет тянется неравный процесс. Березка на куполе превращается в стройное дерево. Иностранцы, приезжающие в Белосток по своим делам и в качестве туристов, тихо смущаются, видя храм в Белостоке. Их удивление однажды выросло в легкое возмущение, когда они увидели на широком плацу храма вертящиеся карусели, услышали пьяный крик, гармошки и выстрелы в тире: на пасхальные дни белостокский магистрат отпускает в аренду предпринимателям народных развлечений плац под стенами освященного православного храма. Но иностранцами овладел справедливый гнев, когда однажды (тоже святками) они увидели вокруг лесов храма в Белостоке визжащий, хохочущий и грохочущий от куполов до земли луна-парк.

Редкие фотографии этого беспримерного зрелища можем предъявить польским правителям в любой день.

Храм в Белостоке с вывеской «Луна-парк» — не те ли это заботы о верующем населении, которые высказаны в статьях польской Конституции 1935 года?

А вот еще картины кощунств и разрушений, обошедших в описаниях и иллюстрациях русскую и польскую прессу (конечно, в различных толкованиях):

В Холме *из 14 православных храмов ныне лишь в двух совершаются богослужения*. Вот их судьба: взорвано динамитом 2; несколько разобрано на материал для правительственных и частных построек; один превращен в кинотеатр; один в сельскохозяйственную выставку; в одном приспособлены жилые помещения (как в свое время в Свято-Духовом монастыре, отнятом у православных униатами); и в одном разместилась пожарная команда. Есть сведения, что в Холме ныне лишь *один храм* освящается службой Божией.

Разгром православного Холма и всей Холмщины отнюдь не символизирует идеи соединения Церквей; это настолько доступно пониманию православного населения Холмщины и всей Польши, что действия представителей Рима, поддержанных правительственной властью,

именуются здесь *местью и гонением*. Ведь Холмщина обладает древнейшими и православными святынями, в свое время была почти вся обращена в унию, а затем, по воле Божией и людской справедливости — ушла из рук насильников-униатов. Теперь же по Холмщине снова миссионерствуют униаты и на месте разрушенных православных храмов строятся католические костелы. Нынешняя Холмщина пострадала от римского нашествия XX века значительно больше других частей Польши, заселенных православными. Это нашествие продолжается. Но ведется оно так и при таком положении русских в Польше, что даже если Холмщина потонет в мутных римских водах, то и тогда никто не придет ей на помощь.

Незаметно погиб на Волыни и очаг русской православной культуры.

В 1926 году в Остроге на Волыни, где когда-то жил великий поборник православия на Западной Руси князь Константин Острожский, польским правительством конфискованы все движимые и недвижимые имущества Кирилло-Мефодиевского Братства, основанного в 1865 году. Отказав в законных претензиях наследникам графини Блудовой, владелицы этих имуществ, государственная власть захватила 470 десятин братских земель и угодий, два трехэтажных корпуса гимназии и интерната с его движимым имуществом (на 250 человек), домовую церковь и около 20 жилых домов с усадебными землями.

Ликвидация Братства и отнятие его имуществ в польскую казну мотивируется польским правительством лишь тем, что Братство основано на том месте, на котором до 1831 года существовал католический скит с 3 монахами и 7 послушниками, *имевшими в своем распоряжении 1,5 десятины земли*, подаренной им князем Сангушко.

В 1831 году, во время польского восстания, русскими найден властями в ските склад оружия и потому монахам предложено покинуть пределы России. Им было разрешено вывезти всю движимость, в том числе и обстановку каплицы (впоследствии домовой церкви Братства), что они беспрепятственно и сделали...

В серый февральский день потянулись со двора Братства крестьянские сани, нагруженные частями Братского иконостаса, алтаря, киотами, паникадилами и дорогими иконами; вытянувшиеся впереди хоругви поникли над склонившим лицо священником; толпа братчиков и прихожан шла сзади длинного шествия, как на похоронах — в слезах, стонах и причитаниях; в шествии не оказалось запрестольного дивного образа Воскресения, кисти Пигулевского, подарка императора Александра II; этот образ и много другого церковного имущества власти оставили в храме. Печальный обоз с тихим печальным пением направился через деревню Вилию, к Новому Местечку, на задворках которого стоят красные пограничные столбы с надписью: СССР...

Конфискация Кирилло-Мефодиевского Братства и изгнание за пределы Волыни настоятеля братской церкви о. Давида Бычковского, удержание властями многочисленного движимого имущества Братства и его церкви, — представляют собой не только правительственно-ад-

министративный произвол, но и решительный шаг в сторону полонизации русского населения: вместо русского православного учебного заведения в Остроге возникла польская учительская семинария; в круг обязанностей польского учителя входит, между прочим, и полонизирование русских детей. В этом духе и воспитываются более десяти лет семинаристы в стенах острожского Кирилло-Мефодиевского Братства. Если же принять во внимание, что основной целью Братства было предоставление образования детям православных священников Волыни, то как выглядит все то, что сделано польской государственной властью в Остроге? Не является ли уничтожение Кирилло-Мефодиевского Братства косвенным гонением на православие и русский народ в известной части Польши?

Однако возвратимся к кощунствам.

Почти с первых же дней восстановления Польши стала оскверняться значительная часть православных храмов, существовавших при русских военных казармах. Эти однотипные «гарнизонные» церкви почти всюду превращены были в склады военного имущества, фуража, дров и угля, иногда в конюшни, а то и просто в проходные отхожие места. Редок случай превращения этих храмов в католические костелы; еще реже случай разборки такого храма.

Глядя на эти храмы, невольно поражает мысль: а ведь хартии государства утверждают его широкую веротерпимость, то есть высококультурное отношение к храмам...

Разносторонним кощунством веет также и с львовского «Холма Славы». «Холм Славы» во Львове — это громадное кладбище русских воинов, погребенных в 1914-1915 годах. Согласно спискам, хранящимся во львовском воеводском управлении, на «Холме Славы» похоронено около 3600 солдат и офицеров русской армии. В течение нескольких последних лет «Холм Славы» систематически разрушался; на долю времени выпало разрушить лишь утлую ограду на сосновых столбиках (с колючей проволокой); к 1935 году погибла вторая ограда, поставленная на средства православных русских прихожан львовского прихода. Вандалическое же разрушение русского православного кладбища за оградой велось систематически неизвестно кем — так ответили воеводские чиновники Русскому Комитету по Охране Военных Могил в Галичине: к весне 1935 года не осталось вокруг кладбища ни одного столбика, на кладбище были срезаны и унесены дубовые кресты с братских могил (с поименными цинковыми надписями), разбиты каменные памятники, изувечены металлические; по могилам бродил пасущийся скот, оставляя соответствующие следы, западная же часть «Холма Славы» обвалилась на глубину нескольких метров, и из обвала показались почти наполовину обнаженными 18 гробов с останками воинов. Их кости вываливались в крутой обрыв. Черепа скатывались в песок. Приходили любопытные и ковырялись палками в полусгнивших гробах. Комитет по охране могил немедленно присовокупил к своим давним просьбам в воеводское управление о приведении в порядок

«Холма Славы» просьбу ликвидировать в спешном порядке обвал, так как на его дне происходит вывоз песка (на постройки) и обвал лишь увеличивается.

Но все было тщетно. Гробы, наконец, скатились в пропасть. Все смешалось с песком. Кладбищенский отдел воеводского управления, ведающий военными могилами и кладбищами и имеющий на свои работы специальные кредиты, не шевельнул пальцем. Кощунственное положение «Холма Славы» обратило внимание даже польской печати («Krytyka i życie», «Kuryer Lwowski»), однако административная власть, должно быть, умышленно не исполнила своей обязанности; лишь зимой 1937 года кости на «Холме Славы» были вырыты и перенесены в другое место. «Холм Славы» перестал существовать. Комитет по охране могил протестовал перед министерством внутренних дел, стремясь ликвидировать кощунство на «Холме Славы», но безрезультатно.

Такие варварства происходят в стране, где стремятся «соединить Церкви» христианские...

Заканчивая этот «*показательный*» тяжкий синодик святотатств и кощунств, предлагаю читателю осветить тем же светом нижеприводимые цифры:

разновременно (по 1936 г.) *захвачены католиками и униатами храмы*: по Волынской епархии — 15; Гродненской — 42; Виленской — 10; Полесской — 6; Варшавско-Холмской — 155; *запечатаны храмы* : по Волынской епархии — 7; Гродненской — 23; Виленской — 7; Полесской — 7; Варшавско-Холмской — 89; *захвачены униатами монастыри*: Турковицкий, Супрасльский, Вировский, Радочинский, Лесенский, Красностоцкий и Виленский женский. *Все семь монастырей были основаны православными и однажды были захвачены униатами* (в годы насильственного введения унии в Польше).

Униатская пропаганда, почувствовав такую «свободу» в автокефальной Церкви, стала быстро распространяться там, где больше всего заметно было разложение. На основании свободы религиозной проповеди варшавская митрополия одобрила как бы контрмиссионерские шаги некоторых священников на Галицкой Руси. Но вскоре вынуждена была прекратить деятельность добровольных миссионеров. Зато на Волыни и Полесьи, Холмщине и Виленщине и во многих иных углах, где живет православное население, стали проникать настойчивые и никем не отпугиваемые униатские миссионеры. Их успех равнялся поведению митрополии.

Двинувшись в путь без руля и без ветрил (и Московский, и Константинопольский патриархи больше не связывали митрополита Дионисия), автокефальная Церковь в Польше почувствовала на себе когти различных хищников и в материальном отношении: одна за другой последовали конфискации Польским государством церковных земель и иных недвижимых имуществ, а затем, чувствуя потребность в погашении все возрастающих расходов по разорительному управлению

митрополией, приложила руку к этим имуществам и сама варшавская митрополия. За период времени от признания автокефалии до 1936 года *конфисковано правительственными органами, продано митрополией, отдано в долгосрочную аренду и просто расхищено земель*: в Волынской епархии — 17000 десятин; Гродненской — 8567 дес.; Виленской — 6906 дес.; Полесской — 1946 дес.; Варшавско-Холмской — около 40000 дес. Всего 73419 десятин земель и угодий[5].

Благодаря этому имущественному разгрому в сравнительно короткий срок приходское духовенство оказалось нищим — приходы, жившие до автокефалии (преимущественно сельские) исключительно со своих имуществ, остались при 4—7 десятинах полей, а некоторые лишь при усадебных землях. «Специалистом» по расхищению церковных земель оказался ближайший советник митрополита Дионисия, злой гений благосостояния приходских священников на Волыни о. Михаил Борецкий[6]. Так как священники обязаны были сугубо снабжать митрополию деньгами и в виде бесчисленных консисторских налогов, а жалованья от митрополии, так же как и от казны, — никакого не получали, то в результате все местное духовенство попало под пресс не только административных властей, но и своих консисторий. За неаккуратность в уплате следуемых по раскладке сумм священники подвергались штрафам, переводам в худшие приходы и прочим репрессиям.

Впоследствии министерство исповеданий стало отпускать некоторые суммы для нужд Церкви, причем суммами этими распоряжаются административные власти на местах. Это не простая случайность, а часть той правительственной системы, которою *рядовое православное духовенство загоняется в тупик и делается покорным, послушным и для православия малоценным.*

Благодаря фактическому безвластию митрополита, правительственные факторы держат местное обнищавшее православное духовенство на материальных вожжах: плата за законоучительство и так называемые дотации, род ежемесячного жалованья. За законоучительство священники получают от 20 до 50 злотых в месяц (4—10 ам. долл.), в зависимости от разряда школы и населенного пункта; жалованье — от 30 до 60 злотых в месяц (6—12 ам. долл.). Вожжи заключаются в том, что всякого нищего священника-законоучителя, не желающего читать Закон Божий русским детям на «украинском» или польском языке, в виде штрафа лишают платы за законоучительство; каждого священника, так или иначе выявляющего несогласие с административными мероприятиями, ведущими Церковь к гибели, уездные старосты лишают и жалкого жалованья — или в виде воздействия, или навсегда.

---

[5] Все приведенные цифровые данные относительно храмов, монастырей и недвижимых имуществ не подлежат никакому сомнению, так как полностью известны и варшавской митрополии. В течение последнего истекшего года эти цифры могли лишь увеличиться, ибо побуждающие к этому причины продолжают существовать.

[6] См. газ. «Русское Слово» № от 2 июня 1936 г. и за тот же год № 162, 181, 254, 255, 256; «Слово» № 23; «Новая Искра» № 110, 139.

Если принять во внимание, что сельский священник часто проводит вечера в кругу своей семьи в темноте, за неимением керосина, питается порой не лучше советских колхозников и имеет наружный вид, далеко не всегда способствующий сообщению прихожанам авторитета, то можно себе представить, в какую зависимость от административных властей попадают массы русского православного духовенства в Польше. Если папа Римский в XV веке позволял себе держать впроголодь греческих православных делегатов на Флорентийском соборе, дабы понуждать их к согласию на папские пункты окатоличевания православия, то есть на унию, и таким простым средством блестяще достиг успеха, то можно ли сомневаться в успехе польского правительства XX века, копирующего гениального флорентийского папу, и притом в значительно облегченных «культурою» условиях?[7]

Здесь следует прибавить, что православные епископы и священники военного ведомства, в настоящее время деятельно проводящие украинизацию и полонизацию православной Церкви, оплачиваются государством иначе: епископы получают от 300 до 2000 злотых в месяц (60—400 ам. долл.) и военные священники — 700—900 злотых (140—180 ам.долл.). Если принять во внимание, что и те, и другие, кроме жалованья, обеспечены часто казенными квартирами и пр. и пр., то мы отчасти поймем карьеризм этих отцов Церкви, развращенных врагами православия, мы уловим и историческую преемственность положения Церкви (вспомним деяния епископа Луцкого Терлецкого в XVI веке и иных изменников православию).

Итак, с одной стороны незаконные «Временные Правила» и административный окрик, и с другой — беззаконная автокефалия, то есть как бы полное и добровольное согласие православной Церкви с создавшимся положением.

Чем же отличается эта «хитрая механика» Рима и Польского государства ныне от подобных же ухищрений в своих в средние века?

Лишь большей сокровенностью («культурностью») действий. Жестокое же пренебрежение к праву и совести русского православного народа, пожалуй, превосходит и средневековье.

Протестовала ли и протестует ли против подобного положения русская православная общественность?

Много раз и различно; не перестает протестовать и теперь.

Долгое время, не разбираясь в поведении митрополии, православная русская общественность обращалась с протестами и разъяснениями к митрополиту. Однако такие обращения ничего или почти ничего не достигали. Выступления же в русской местной печати обычно являлись результатом тех или иных отдельных случаев насилий и правонарушений представителей Рима и польской государственной власти — с тем

---

[7] Всего в Польше более 1500 священников; священно- и церковнослужителей около того же числа на 1516 приходов, 1948 храмов и 212 часовен. Из приходов: штатных 1028, приписных 488; остальные 432 храма не освящаются службой Божией по причине гонения (см. «К сорокалетию пастырства» стр. 14).

же устойчивым успехом; при этом, несмотря на не всегда вразумительные и часто неприличные нападки на православие со стороны польской печати, эти выступления всегда настолько лояльны, полны собственного достоинства и надежд на справедливость, что порой поражает мысль: где граница этой культурной порядочности? Порою же непосвященный читатель может подумать, что русское православное общество в Польше просто не отдает себе отчета в трагичности своего положения. Чтобы не быть голословным, привожу несколько первых, попавшихся выдержек из русских газет.

На требования польской печати («Kuryer Czrewony» и др.) в сносе митрополитальной церкви в Варшаве, дабы «на *западной* панораме Праги не зияло грязное *восточное* пятно», русский журналист в «Русском Голосе» отвечает: «Никакой разборки, конечно, не будет. Все эти слухи — очередная антиправославная кампания местных шовинистических кругов. Но все-таки невыразимо больно, что есть люди, которым мешает православная святыня, даже на окраине города» (№ 33 от 3 сент. 1933 г.).

Епархиальное Собрание разгромленной Варшавско-Холмской епархии, состоявшееся в 1933 году, выносит, между прочим, короткое постановление:

«Собрание установило, что православное население Варшавско-Холмской епархии, лишившееся многих своих святынь, *вынуждено молиться или под открытым небом, или у опечатанных храмов*; установлено также собранием, что православное духовенство епархии лишено главного источника своего содержания — земельных угодий, причем часто и существенно стесняется в отправлении своих пастырских обязанностей и законоучительства, а в отдельных случаях школьные власти требовали (и требуют) преподавание православного Закона Божия на польском языке».

По вопросу о соединении Церквей это собрание духовенства и мирян не менее кротко и терпеливо (в 1933 году!) заявило, что « одним из существенных препятствий к такому объединению является *бесправное положение Православной Церкви и материальная ее необеспеченность* и то, что земли, заселенные православными, объявлены Римом *миссионерской территорией*. Собрание выносит протест против последнего положения». («Р.Г.» № 3, 1934 г.)

Выступая против украинизации Церкви, автор в том же «Русском Голосе» говорит: «Русский язык несравненно богаче и наиболее развит, нежели уродливая «мова», но никогда русские не домогались, и, вероятно, не будут домогаться русификации богослужений, пока они православны. Другое дело — перевод богослужений на языки язычествующих народов в целях миссионерских, а мы ведь 1000 лет тому назад просвещены» (№ 35, 1934 г.).

Еще в 1926 году, отвечая на ряд стремительных статей в польской печати, требующей по политическим соображениям украинизации и полонизации православных богослужений, протопресвитер о.

Т.Теодорович пишет в газете «За Свободу» (№ 237—38): «...если богослужение наше есть драгоценная жемчужина Православия, в течение тысячелетия своими церковнославянскими звуками освящавшая весь православный мир, то не вытекает ли отсюда забота и долг хранить это святое достояние, не разменивая его, не приспособляя к звукам современных народных языков... В религии, в Церкви не только идея, не только содержание, но дорог и покров этой идеи, ее выражение».

В № 30 «Русского Голоса» за 1934 год мы читаем поражающее мягкостью определение насилия польской власти (автокефалии) над православной Церковью, по-моему, даже слишком: вся вина будто на иерархии:

«...Иерархия с непонятной поспешностью провела в свое время автокефалию, на которой особенно настаивало правительство, со стороны последнего не обеспечив законодательного статуса о взаимоотношении Церкви и государства».

Архиепископ Пантелеймон, заточенный в Жировицкий монастырь за непризнание автокефалии, отвечая польской газете «Dziennik Wilenski», между прочим, пишет:

«...во всей статье православные ни разу не названы своими именами, но постоянно называются схизматиками и даже говорится, что Святая Обитель (речь идет о Жировицком монастыре. —*А.П.*) теперь «в руках наследников грабителей-схизматиков». Между тем, так выражаться не только некультурно, но и в высшей степени обидно для всех, о ком это говорится, и грешно». («Русское Слово» № 150 за 1936 г.).

После двух лет всевозможных ухищрений, замалчиваний и «призывов к благоразумию», митрополит Дионисий благословил, наконец, печатание в синодальной типографии переведенных на польский язык литургических текстов (1936). Все православные в Польше пришли в негодование; печать отразила настроение верующих в ультралояльных тонах: Б.Афанасьев пишет статью «Камо грядеши?» и в ней : «Ведь конституция нашего государства предоставляет своим гражданам полную свободу вероисповедания и правительство относится с полным уважением к религии. Наше новое отечество требует от нас только лояльного исполнения нашего гражданского долга, и православное население всегда этот долг исполняло и в дальнейшем будет отдавать все свои силы на развитие нашего государства»... («Наше Время» № 274 за 1936 г.).

Выступивший на общем собрании православных в Вильно (по поводу смены церковнославянского языка в богослужениях польским) Г.А.Сотников говорит о вмешательстве государственной власти в церковную жизнь, утверждает, что это всегда приводило к отрицательным результатам и в заключение повествует аудитории:

«Мы уверены, что те высокие начала, которые провозглашены, как в Версальском договоре и Конституции 17 марта 1921 года, так и в ныне действующей Конституции (1935 года. —*А.П.*), будут осуществлены, и ценность отдельной личности, как человека и гражданина, будет

определяться не его вероисповеданием, национальностью и так далее, а только его моральными качествами» («Новая Искра», № 259 от 24 дек. 1936 г.).

В «Русском Слове» № 255 за 1936 год читаем:

«...православные почему-то должны молиться обязательно на государственном языке... Такое требование не предъявляется ни униатам, сохраняющим церковнославянский язык, ни римско-католикам, с их латинским литургическим языком, ни евреям, или протестантам».

«Для государства важно, чтобы каждый его гражданин искренне молился о его благе, и, думается, эта молитва будет тем искреннее, чем лучше этот гражданин будет чувствовать себя в государстве, видя с его стороны уважение к своим национальным правам и языку».

Даже по этим нескольким отрывочным голосам русской православной общественности можно судить, возможны ли с ее стороны поводы, побуждающие к насилиям и преследованиям? Эти же отрывки легко убеждают, между прочим, и в той пригнетенности, в какой пребывают русские православные в Польше. Так ли говорят со своим правительством «украинцы», убившие в 1934 году министра Перацкого? Так ли добиваются исполнения Сен-Жерменского договора карпатороссы в Чехословакии?

Возвращаясь к актам и различным видам насилий, составляющим в совокупности г о н е н и е на православие и русский народ в Польше, необходимо указать на еженедельник Варшавской митрополии «Воскресное Чтение». На протяжении 11 лет этот журнал с большой точностью и с весьма ценными для историка комментариями отмечает громадное количество случаев, указывающих на систематическое поведение Рима и Варшавы в отношении православной Церкви и ее верующих.

Перечислить хотя бы лишь выдающиеся моменты голого и подчас грубого насилия над совестью русских подданных Польского государства, отмеченные в «Воскресном Чтении», при наших скромных издательских возможностях — немыслимо: понадобились бы сотни страниц; к обличительному и обличающему содержанию журнала следует прибавить и материалы из митрополитальной же газеты «Слово». Поэтому мы лишь упоминаем об этих изданиях как о емких источниках материалов для историка или юриста, если найдется желающий написать исследование жизни православной Церкви в Польше изо дня в день.

Поэтому, да не покажутся как бы скудными нашему читателю приведенные здесь случаи насилий и правонарушений: во-первых, эти случаи — самые характерные, так сказать, прожекторы положения, и, во-вторых — этот мой труд отнюдь не претендует на историческое исследование.

Возможно, что читатель задаст вопрос: с какой же целью Варшавская митрополия, согласившаяся на «Временные Правила», подписавшая «автокефалию», решилась отмечать в своих печатных органах то, что составляет ее поражение?

Здесь перед нами подлинная трагедия православной Церкви в Поль-

ше, вызванная, с одной стороны, путями польской католической по литики, и с другой — личными влияниями православной иерархии во главе с неосмотрительным и самонадеянным митрополитом Дионисием.

Сушествует мнение, что не принять автокефалию не представлялось возможным. Это неверно. Когда патриарх Тихон почувствовал на себе гнет большевистской руки, он предоставил русским зарубежным Церквам самостоятельное устроение, что не вызывало необходимости автокефалии, с отрывом от патриархатов. Существует же русская зарубежная Церковь, возглавляемая своим Синодом Епископов. Такое положение надо было отвоевывать у Польского государства. Надо было поставить вопрос на законную почву и вступить в достойную борьбу, тогда это и удалось бы, да и не могло не удаться при поддержке верными своей *борющейся* иерархии. К сожалению, митрополит Дионисий поступил иначе : не обращаясь к верным в такой ответственный момент, он подобрал неподходящий для Церкви епископат и принял автокефалию; оторвавшись от двух патриархов и взяв курс политики лавирования, не выиграл, конечно, ни одной позиции. Первые же слишком самостоятельные шаги митрополита были таковы, что разрыв с мирянами и рядовым духовенством пришел сам собой. Все позиции были сданы противником без всякого сопротивления. А ведь Собор в Пинске еще в 1791 году сулил Церкви те же перспективы, что и автокефалия в 1922-м. Это подтверждали и обещали все события, происходившие в Польше в течение нескольких веков до 1791 года. Этого не могли не понимать в 1925 году иерархи с митрополитом Дионисием во главе. Ведь знали же об исторической перспективе и считались с ней не принявшие автокефалии епископы.

Попав в плен к польской государственной власти и будучи все время на глазах своей неудовлетворенной и страдающей паствы, глава Церкви вынужден был делать те вылазки в собственной печати, которые организовал против плениших. Но это не была борьба. Без участия мирян — все статьи в «Воскресном Чтении» и «Слове», все визиты митрополита к польским чиновникам не имели ни практического смысла, ни жизненно-благих последствий. Оставалось лишь писать статьи (которые, кстати сказать, не доходили до мирян). Но и эти статьи, как увидим ниже, оказались вредными для автокефальной Церкви...

Все же русская православная общественность не оставалась пассивной или молчаливой. Одним из решительных протестов ее было в 1929 году выступление в сенате В.В.Богдановича. В своей обширной речи оратор поведал польскому сенату о подлинном положении Церкви, к которому привело ее неузаконенное существование в стране в течение десятка лет. Он рассказал о насилиях, о конфискации имущества, о захватах, разрушениях и опечатываниях храмов, о кощунствах, о национальных притеснениях; он подчеркнул существенную несогласованность положения Церкви с установлениями польской Конституции, а также указал на то, что иные исповедания не испытывают никакого вмешательства в свои вероисповедные дела со стороны власти. Он привел убийственные цифры: в СССР, по большевистской статистике, к

1929 году было изъято 27% всех православных храмов, а в Польше — 45%. Как на выход из создавшегося ненормального положения сенатор указал на необходимость немедленно узаконить существование православной Церкви в Польше, прекратить православный произвол и террор (тогда многие еще верили в «ошибки местной власти» или делали вид, что верят) и дать возможность созвать Собор.

Выступление В. В. Богдановича в 1929 году, как и речь Лаврентия Деревинского на сейме 1620 года, не имело никаких положительных результатов. Это был протест исторический, но не практический.

Мысль о созыве Собора была высказана в сенате далеко не впервые. Русское православное население в Польше и его непосредственные пастыри, познакомившись на практике с распоряжением Генерального комиссара Восточных Земель, убедилось в необходимости коллективной защиты Церкви, и неоднократно и в различной форме просило высшую церковную власть созвать Собор.

Однако просьбы мирян не имели успеха.

V. У истоков украинизации Церкви в Польше. — Существенная натяжка и ее итоги. — Министерское предложение. — Не неожиданное насилие. — «Высокая политика» померкшего главы. — Легенда о Соборе

Полное освещение так называемого «украинского вопроса», в связи с политикой врагов православия, возможно лишь в специальном труде и больших, чем наши, издательских возможностях; поэтому здесь приходится ограничиться только указанием на существеннейшие детали этого поистине больного вопроса, относящиеся к событиям непосредственно внутри православной Церкви в Польше.

Эту оговорку считаю необходимой, чтобы избежать упрека в некоторой необъясненности или, быть может, как бы необоснованности описываемых ниже событий. Впрочем, все сказанное об украинстве в начале этих страниц способно, пожалуй, в нужной степени осветить эти события.

Прежде всего, что такое украинизация Церкви и в чем она заключается?

Украинизация Церкви в Польше — не столько *цель* врагов православия, сколько *средство* для порождения среди верных религиозного замешательства. В XVI столетии подобное замешательство перед решительным наступлением католичества сеяла польская коронная власть и иезуиты иными средствами. В XX веке, кроме некоторых вариаций прошлого, появилось новое средство: украинизация русского народа и его Церкви.

Соединенные силы Рима и Варшавы стремятся внести в жизнь и строй православной Церкви опорочивающую струю, берущую начало в трениях и несогласиях между верными и пастырями, между пастырями и иерархами, между верными и иерархией и, наконец, между Церковью в Польше и прочими русскими Церквами. Как во всяком подобном столкновении людей и мнений, кроме героических подвигов неизбежны и здесь измена, предательство, мелкое криводушие, новаторство, карьеризм, проявления крайнего честолюбия, тщеславия, корыстолюбия и даже присутствие подлинной (или сомнительной)

идейной преданности: ведь украинизация Церкви сеется на давно взрыхленной почве «украинской национальной идеи»...

Украинизаторы Церкви прекрасно понимают, что разрушая низкими средствами цельность православной Церкви, смешав ее величественный и стройный хорал в отвратительную какофонию, можно ведь явиться и в роли «избавителей» и даже «спасителей» растерявшихся людей. Эти избавители и спасители уже есть, мы о них уже говорили выше: ксендз П.Табинский из «Oriens'a», ксендз доктор Швайгель из Рима, галицко-украинские католики из Львова, сам архиепископ Роопп, харбинские и брюссельские «администраторы», сам митрополит Шептицкий и много-много других...

Средствами украинизации, то есть возбудителями замешательства и опорочивания Церкви являются: богослужения, проповеди и преподавание Закона Божия в школах на «украинском языке», а также церковные песнопения; во внешней жизни Церкви — на «украинском языке» церковная повременная печать, церковная литература (в большинстве агитационная), консисторские дела и переписка, календари и пр. Слова «украинский язык» беру в кавычки потому, что филологи отрицают существование такого языка; его происхождение иное: южнорусское *наречие* возведено в степень *языка* иезуитами — в попутных целях разрушения русского национального единства, — ведь язык — кровь нации.

Таким образом, главным рычагом украинизации Церкви является элемент языковой, на первый взгляд непосвященных — незначительный. На деле оказалось иначе: применение разговорного малорусского наречия в Церкви — тотчас же стало разделять верующих, хотя противников украинизации Церкви оказалось значительно больше во всех слоях населения, чем сторонников ее, однако действия украинизаторов от этого не прекратились и замешательство стало расти.

Крестьянство недоуменно и осторожно бойкотировало украинизацию. Интеллигенция обратилась с протестом к высшей церковной власти, увлекая порой крестьянство и мещан, а также стала выступать в русской печати — *против этого губительного для Церкви нововведения*. Протестуя в печати, авторы отмечали, что украинизация Церкви, в сущности, не что иное, как политическое домогательство «украинцев». Настоятель митрополитальной Церкви (в Варшаве), протопресвитер о. Терентий Теодорович, высокочтимый в Польше православный пастырь, выступил с обширной статьей в газете «За Свободу» (№ 237 и №238 за 1926 г.), в которой, между прочим, говорит:

«Большое и губительное для внутреннего строительства Церкви зло, когда ее интересы сплетаются воедино с интересами мирской политики... Так случилось в последние (августовские) дни, когда польские газеты, в связи с воззванием прихожан Владимиро-Волынского собора (агитаторов-«украинцев». —*А.П.*) поставив на очередь вопрос, давно назревший о правах меньшинств и справедливых их требованиях касательно гражданских прав, школы и прочее, *в ряд ставят требование о введении народного языка в богослужении* и в связи с этим борьбу с так называемой русификацией в Церкви» (выделено мной. —*А.П.*).

«Можно было бы понять и кое с чем помириться в этих домогательствах украинизации богослужения, если бы действительно чувствовался массовый подъем религиозный, но ведь этого не наблюдается»...

«Таким образом, не религиозный подъем, не церковные настоятельные нужды лежат в основе украинизации Церкви, а чисто мирской национальный интерес».

Улавливая истоки и тайную направленность украинизации Церкви, маститый иерей пишет далее:

«Украинизация богослужения — *грозит разделениями в Церкви, большими распрями*, что подтверждается не только церковным бесчинием в Америке, но и у нас» (курсив автора. —*А.П.*).

Значительно позже, в 1936 году, подводя итоги украинизации Церкви на Волыни, и указывая, что там украинизировано уже около 350 храмов, «Oriens» утверждает, что «нас уверяют из хорошо осведомленного источника, что украинизация литургических текстов является не столько результатом требований широких народных масс, сколько делом исключительно предприимчивых групп украинской интеллигенции». Сами идем в руки иезуитов!

Известно, что эти «предприимчивые группы» не кто иные, как состоящие на службе у польской политики Бура, Скрыпник, Тележинский, Певный, Головацкий и прочие украинские деятельные члены «Беспартийного Блока сотрудничества с Правительством». Именно эти люди всенародно провели в 1933—1934 годах прекрасно срежиссированную министерством исповеданий длительную демонстрацию на Волыни «*за украинскую Церковь*», начиная с хулиганского выступления в Почаевской Лавре (см. ниже).

Украинизация Церкви была бы невозможна при соборном начале управления Церковью. При единоначалии же митрополита, мечтавшего стать патриархом всея Польши (наподобие Петра Могилы), — «украинцы» в числе нескольких человек добились громадных результатов. Во львовском «Русском Голосе» (№ 34, 1934) читаем исторические строки:

«В 1918 году на состоявшемся в Киеве «Всеукраинском Церковном Соборе, по требованию 400 делегатов от крестьянства и духовенства было постановлено *сохранить в богослужении православной Церкви церковнославянский язык*. Это знаменательное постановление было торжественно подписано всеми разъезжавшимися с Собора епископами, *обязавшимися до гроба сохранять волю этого исторического Собора*. В числе подписей епископов имеется и подпись епископа Дионисия, ныне митрополита. Однако не прошло и шести лет, как состоялось постановление Синода (под председательством митрополита Дионисия) о разрешении богослужений на Волыни и прочих местах, «*где это потребно будет*» (?) *на «украинском языке»* (1924).

Трудно судить, чего здесь больше: бессилия ли митрополита перед волею польского министерства, проявления ли личного характера Варшавского митрополита. Так же точно трудно судить, было ли это скользкое «*где это потребно будет*» недомыслием или нарочитостью; известно лишь с неопровержимой достоверностью, что фраза эта окончательно развязала руки и польским иезуитам, и украинствующим

украинизаторам Церкви: они нашли эту «потребность» решительно везде, и в конце концов, даже в подвальной церкви митрополитального собора в Варшаве...

Сторонники (и — увы — даже некоторые противники) украинизации Церкви из священнической среды стали находить, что будет, пожалуй, слишком искажать Кирилло-Мефодиевскую литургию «мовой», не имеющей притом подлинного языкового регламента, но что читать Евангелие, Апостола, произносить проповеди — допустимо. Другие не согласились читать и Евангелие на «мове». Третьи потребовали только песнопений на «родном языке» и т.д. Словом, митрополитальная натяжка «где это потребно будет» была растянута шире и посеяла весьма существенные для иезуитов семена: начался разброд, сумбур, кривотолки — Церковь стала погружаться в хаос, а «украинцы» — нагло и уверенно хозяйничать у алтарей[1].

Нарастание этого состояния продолжалось несколько лет. Министерство исповеданий зорко следило за его развитием. И когда польским чиновникам и пропагандировавшим на Волыни унию иезуитам показалось, что котел замешательства закипает, министр исповеданий дал сигнал к дальнейшему этапу наступления на Церковь: в письме своем от 3 апреля 1928 года на имя митрополита Дионисия министр указывает на необходимость участия в делах православной Церкви — н а с е л е н и я , то есть верных. Вскоре последовало послание митрополита Дионисия о созыве Собора (1929).

Но министерский расчет не оправдался: через несколько месяцев выборной работы на местах выяснилось, что «украинцы» оттеснены, что Собор будет стоять за нерушимость Церкви во всех отношениях и что настроения кандидатов — русские. Попутно выяснилось глубокое заблуждение главы Церкви: украинизация ее была не нужна населению.

Из Варшавы последовало правительственное распоряжение, *отменяющее послание главы автокефальной Церкви о созыве Собора*. Т а к о й С о б о р не понадобился. Затем последовал *рескрипт президента республики* от 30 мая 1930 года о созыве Первого Поместного Собора Православной Церкви в Польше. Этот рескрипт главы государства был издан, видимо, лишь для закрепления *первенства в делах Церкви за государством*, ибо вскоре последовал второй рескрипт, отменяющий Собор — д о р а с п о р я ж е н и я ...

Это внушительное вмешательство государственной власти во внутренние дела православной Церкви не показалось верующим неожидан-

[1] Стремясь создать нечто вроде «единого украинского языка», ряд украинских ученых выпустил труды: С.Смаль-Стоцкий. Граматика українськоі мови; д-р В. Симович. Граматика українськоі мови (1921); И.Огиенко. Українській стилістичний словник (1924), его же: Рідне писання (1933). Рідна мова и Словник (1934); д-р Е.Грицак. Словник; д-р К.Кисилевский. Правописні правила (1934) и др. Все перечисленные труды известны тем, что вводят различные принципы строения «украиньскоі мови»; совместные конференции авторов, предварительно долго споривших в печати, кончились ссорой (см. «Русск. Гол.» № 48 и 49, Львов, статья «Украинская неразбериха в правописании»). «Украинские ученые» продолжают врозь работать, а пока — учебники в «украинских» польских школах — разные, ибо «мова» так и не найдена. Можно судить, каковы «переводы» православных богослужений...

ностью: при планомерности развивавшихся событий скептики не верили в возможность Собора. Однако стал актуальным вопрос принципиальный: если существеннейшая *статья Конституции о свободе вероисповедной жизни подданных нарушена самим президентом республики* в отношении православных, то почему католики, униаты, иудеи, лютеране и другие польские подданные остаются в этом отношении неприкосновенными?

Однако этот вопрос не получил конкретного разрешения и впоследствии, когда та же статья Конституции 1921 года стала фигурировать (?) и в хартиях республики 1935 года, а русское православное население исчисляло 16-й год систематических нарушений его вероисповедных прав, называя это постоянство поведения правительственной власти г о н е н и е м н а п р а в о с л а в и е и р у с с к и й н а р о д.

Стало ясно, что власть митрополита в больших делах — призрачна.

Разрешив украинизацию Церкви вопреки всем доводам рассудка и морально-церковного кодекса, вопреки церковной православной многовековой традиции и вопреки желанию подавляющего большинства верующих, заведя даже «украинские» (и польские) страницы в митрополитальном органе «Слово», митрополит Дионисий неизбежно пошел дальше, уступая и уступая врагам православия.

Сподвижники митрополита Дионисия, архиепископы: Пинский Александр, Виленский Феодосий, Волынский Алексий, Гродненский епископ Антоний и викарный епископ Поликарп не проявили склонности к реальному единению с рядовым духовенством и мирянами, следуя общей церковной политике митрополии; большинство из них, как арх. Алексий и еписк. Поликарп (Луцкий), арх. Александр и еп. Антоний, стали усердно поддерживать и развивать особенности этой политики: Алексий и Поликарп — украинизируя Церковь, а Александр и Антоний — содействуя полонизации ее.

Постепенно стало заражаться духом этой пагубной для Церкви политики уступок и покорности и рядовое священство. На Волыни создался тип священников-«украинцев» не за страх, а за совесть (и еще больший — за страх); на Гродненщине и, главным образом, на Полесьи появились одиночки священники-полонизаторы. Военные священники в разных районах Польши оказались в этом отношении «передовыми». Хаос нарастал с каждым днем.

Чтобы прикрыть все расширяющуюся пропасть, глава автокефальной Церкви в Польше стал делать вид, что ведет «высокую политику», недоступную пониманию русской православной общественности и духовенства. Эта «высокая политика» сосредоточилась во взаимоотношениях митрополита и синода с польской светской властью на почве Предсоборного Собрания; это еще более разъединило иерархию и верующих, так как о сущности «высокой политики» иерархии мирянам ничего не удается узнать и не дано в ней участвовать.

В 1934 году одна из русских газет в Польше писала:

«Прежде всего надо восстановить прерванную огромного значения связь трех составный частей Церкви: иерархии, поместного духовенства и мирян. Для этого необходимо полное взаимное доверие. До тех пор,

пока подготовка Собора не будет вестись совершенно открыто для всех сынов Церкви, такое доверие существовать не будет».

«Надо признать, что иерархия настолько усугубила свое положение из-за роковых ошибок, что священство с пасомыми, стоящее как бы по другой стороне жизни Церкви — как это ни парадоксально, — является единственной и возможной опорой иерархии в будущем, и притом в самом непосредственном».

«Нам не раз приходится слышать, что не следует в каком бы то ни было виде идти против высшей иерархии, так как последняя ищет поддержки, опоры, новой исходной точки именно в среде мирян. Но с другой стороны, высшая иерархия ведет подготовку Собора, что ставит под вопрос искренность своего желанья объединиться с миром и рядовым духовенством. Ведь в окончательной подготовке Собора и, наконец, созыве его до сих пор миряне не имеют никакой возможности участвовать; ясно, что и вся постановка его подготовительных работ от мирян не зависит».

«В царской России, которая на своей могиле вынесла и выносит столько упреков в деспотизме, в нетерпимости, в небрежности к интересам своего населения, подготовки к Соборам велись во много раз свободнее, целесообразнее и продуктивнее».

«Необходимо работы Предсоборного Собрания ставить так, чтобы они служили благоприятной связью для всех составных частей Церкви; было бы чрезвычайно неосмотрительно со стороны иерархии не воспользоваться таким в высшей степени благоприятным обстоятельством для того, чтобы опреться на массу мира и священства» («Русск. Голос» во Львове № 32).

Русская печать в Польше неоднократно за последние годы отражала подобные же мысли, настроения и желанья мирян, однако положение не изменилось и в 1937 году.

Туман «высокой политики» 6 лет покрывает дела Смешанной Комиссии Собрания, состоящей наполовину из священнослужителей, наполовину из польских чиновников. Никогда никаких отчетов о заседаниях этого учреждения никто из православных не читал ни в митрополитальной, ни в русской печати. Тайны заседания Комиссии не раз побуждали верных вопрошать митрополита (через посредство печати) о грядущих результатах этих тайн. Изредка глава Церкви удостаивал ответом: в скором времени предстоит-де Собор, сулящий Церкви «прочное и светлое будущее».

От таких ответов растет среди верующих еще большая тревога, митрополиту и прочим иерархам не доверяют. Становятся ощутимы догадки, что в Варшаве, в Предсоборном Собрании, видимо, идет подготовка какой-то разновидности Бреста 1596 года или, быть может, его копия: Собор, пожалуй, будет созван лишь с тем, чтобы собравшиеся заслушали (и утвердили?) уготованную на заседаниях Комиссии судьбу Церкви. По мнению видных православных прихожан в Польше, Собор может быть созван лишь тогда, когда украинизация и полонизация Церкви будут проведены на местах в исчерпывающей полноте, то есть когда, по мнению иезуитов и польских политиков, разложение русского православия достигнет желательной степени.

Так или иначе, а легенда о Соборе, могущем исправить все ошибки иерархии и направить волю польских политиков во благо Церкви, легенда о соборном Соборе все еще витает над православным людом в Польше.

Рим же и Варшава продолжают смотреть на будущее православной Церкви со своей, особой точки зрения. Судя по недавним и нынешним событиям, которым посвящаю следующие главы, это будущее полно самых смелых неожиданностей — не в пользу православия и русского народа.

VI. Почаевское несчастье. — Официальный разгром Церкви на Волыни. — Кулаки в храме. — От двуглавого орла к черному знамени. — Украинизация Церкви — до большевизма. — Ченстоховский синод

Первым из иерархов, начавшим молиться «по-украински», был епископ Дионисий. Этот опыт присходил в Кременце еще в 1919—1921 годах. Секретарь епископа Дионисия протоиерей о. Александр Громадский подражал Владыке (впоследствии епископ Гродненский). На этом опыте окреп второй, более откровенный и систематический украинизатор викарный епископ Луцкий Поликарп; против его посвящения и назначения на Волынь безрезультатно протестовала перед митрополитом Дионисием волынская паства. Не менее, если не более замечательны пробившие путь епископу Поликарпу о. Петр Табинский, поставивший украинскую смуту в Церкви на твердую почву и перекинувшийся в католичество, нынешний сотрудник иезуитского «Ориенса», а также д-р Речинский, отлученный от Церкви Синодом и поспешно возвращенный в ее лоно (министерством). Последние два «украинских» героя — воплощенная украинско-иезуитская идея. О них нужен отдельный труд. Известный украинский Съезд в Луцке (1927), вынесший постановление о немедленной украинизации Церкви на Волыни, а затем меморандум «украинских» сенаторов на имя митрополита Дионисия — о том же (1932) — были важнейшими этапами первого периода украинизации Церкви на Волыни[1]; этот период можно назвать кустарным и подготовительным; на языке Варшавской митрополии — это были «уступки местному населению».

Второй период, более решительный и бурный, начался в 1933 году. Так как различные съезды и меморандумы не могли, в сущности, создать *видимости «народного требования»*, то дея-

[1] Польский сенат — выборный. «Украинский» сенатор Головацкий (из г. Острога) — без среднего образования. Епископ Поликарп не имеет высшего духовного образования.

тельные члены «Беспартийного Блока сотрудничества с правительством» («ББ») — Бура, Скрыпник, Певный и прочие — предприняли соответствующую инсценировку. Это несчастье стряслось над Церковью в Почаевской Лавре (1933).

28 августа (по стар. стилю), когда к святыне собираются десятки тысяч молящихся, произошло неслыханное хулиганство: во время крестного хода, возглавляемого митрополитом Дионисием, в сослужении всех епископов и множества священников, в толпе против духовенства появилось несколько десятков «украинских» флагов и ряд плакатов с требованиями введения на Волыни «украинской Церкви», «украинского епископата», с угрозами «москалям» и прочее; из-под плакатов и флагов дружно понеслись возгласы, подтверждающие нешуточность требований. Послышались угрожающие фразы по адресу митрополита Дионисия; казначей Лавры едва успел схватить толстую палку, опускавшуюся на митрополичью митру; на лаврской колокольне взвился громадный «жовто-блакитный» флаг; увидев его, архиепископ Гродненский Алексий воскликнул: «Як гарно!» (как красиво).

Демонстрация продолжалась несколько минут. Благодаря молящимся, крестный ход сохранил порядок. Поблизости бесчинства скрыпниковско-блоковских молодцов не нашлось, конечно, ни одного полицианта. Плотной группой около ста человек демонстранты вышли за лаврские ворота и растворились в многотысячной толпе. Скрыпник и Бура митинговали на базарной площади Почаева — «за украиньску Церкву».

Подобные же демонстрации, но со значительно меньшим успехом (а в Дубно — даже с уроном) произошли одна за другой в ряде городов, местечек и сел под той же режиссурой; украинские члены «ББ» пользовались при этом многолюдием на храмовых праздниках.

В течение нескольких месяцев луцкая «Украиньска Нывa» и волынские польские газеты, близкие к официальным кругам, печатали обширные корреспонденции «с мест», сопровождаемые фотографическими снимками как почаевского грандиозного крестного хода, так и других скоплений народа у церквей; печатные столбцы и фотографии несколько месяцев твердили о «возмущении украинского народа Московской митрополией», сопровождаемом требованием создать *украинскую Церковь* и назначить *украинца-епископа*. Все это выглядело неубедительно, не имея ни канонической, ни традиционной, ни религиозной почвы; однако митрополит «уступил»: отказавшись от Волынской кафедры, он назначил на Волынь епископа Гродненского Алексия (март 1934). Так как назначения православных епископов в нынешней Польше происходят тем же порядком, что и в XVI—XVII столетиях, то есть через государственную власть, то «уступка» митрополита Дионисия не требует излишних толкований.

Старейший архиепископ Пантелеймон остался в Жировицком монастыре. Епископ Симон удален из Кременца в Дерманский монастырь; к пострадавшим за русскую Церковь присоединился еще один епископ. Одна из русских газет в Польше писала в те дни:

«...архиепископ Пантелеймон и епископ Симон в наших глазах останутся навсегда людьми выдающимися, на которых с признательностью и уважением не раз остановятся будущие исследователи нашего смутного времени».

Официальная украинизация Церкви началась с назначения на Волынь архиепископа Алексия. Поселился он в Кременце.

Волынскую консисторию возглавил некто Власовский, член «О-ва Петра Могилы» (созданного Певным для борьбы за украинизацию Церкви). Весь состав консистории сменен «украинцами». Делопроизводство переведено на «украинский язык». Арх. Алексий завел на том же «языке» епархиальный печатный орган. Объезжая епархию, казенный украинизатор заговорил с русскими общественными делегациями по-«украински», выступая на том же «языке» и в том же духе и с проповедями в храмах. Настоятели приходов, осмелившиеся приветствовать владыку по-русски, получили переводы в иные приходы.

Началось *обязательное введение «украинского языка» в богослужениях и преподавании Закона Божия в правительственных школах.* Встретив сопротивление со стороны духовенства, архиеп. Алексий отдал распоряжение террористического свойства: начались перемещения священнослужителей, назначения на упорствующие приходы по второму священнику, «украинцу»; были случаи назначения трех священников на один приход, что вызывало всевозможные столкновения среди духовенства, унижающие сан священника; были случаи заточения непокорных священников в монастыри; были случаи административных высылок священников за пределы Волыни; известен ряд случаев увольнения их на покой — без объяснения причин, иногда через административные власти. Просьбы мирян за своих пастырей приводили только к худшему для пастырей. Протесты против действий архиеп. Алексия перед высшей церковной властью оставались без ответа: официальная обязательная украинизация Церкви шла помимо митрополии. Русская печать в Польше наполнилась протестующими статьями; «украинская» — восхвалениями архиепископа Алексия. Замешательство ширилось с каждым днем. Правительственно-алексиевский террор захватывал храм за храмом. Скрыпник, Бура, Певный, Тележинский и прочие ревностные члены «Беспартийного Блока сотрудничества с Правительством» метались по Волыни, Холмщине, Полесью с митингами, собраниями и прочее. Священство теряло голову. Мирян охватила растерянность.

В июне 1934 года епископ Поликарп, вопреки воле мирян, при помощи Скрыпника и Певного отслужил первую литургию по-«украински» в Ровенском соборе. В результате — миряне избили Скрыпника (на паперти) за то, что он толкнул отказавшегося служить с еп. Поликарпом «на мови» настоятеля собора о. Дмитрия Сайковича; второй священник, о. Чайковский, видя кощунственное бесчинство в храме, умер от разрыва сердца.

О. Сайкович уволен на покой распоряжением архиеп. Алексия; на его место явился из Луцка о. Яковлев, нежданный «украинец»; он и повел украинизацию храмов в Ровно.

Ровенская победа украинизаторов убедила, наконец, местную интеллигенцию в грозности положения. Но выхода никто не нашел: митрополит бессилен; *власти не дают разрешения на организацию церковных братств*; русское национальное меньшинство официально не существует; Скрыпники всесильны и неуязвимы; архиепископ Волынский издевается над русскими делегациями[2]; откровенные статьи и заметки в русской печати — конфискуются.

К концу года в селах Волыни церковная жизнь резко изменилась: весь ее строй допустимо назвать анархией: в каждой семье существует два-три различных убеждения по церковному вопросу; родители потеряли влияние на своих детей — оно перешло к Скрыпникам, «украинским» священникам и коммунистам. Семья и мирное трудовое сельское общество превратились в политические партии; церковный погост — в место для митингов, рукопашных схваток и издевательств над религией вообще. Во время богослужений, у самой церкви послышались звуки интернационала, советские похабные частушки, стрельба, музыка, свист. Храмы наполовину опустели. Власти открывают одну за другой коммунистические ячейки и целые организации. Сельская молодежь Волыни потянулась в городские тюрьмы и суды. Преступления, пожары, демонстрации безбожников, сектантские выступления множатся с каждым днем.

Анархия на Волыни — плоть от плоти принесшего ее Владыки Алексия: будучи ректором Холмской семинарии, он написал историю Холмщины (1916); этот труд — сплошной гимн русскому политическому и национальному самодержавию. Это понятно: автор был членом Союза Архангела Михаила (как и «украинский» депутат сейма Богуславский). Но став епископом, Алексий Громадский приблизился к кругам будущего иезуита Петра Табинского, а также д-ра Речинского; нынешнего волынского владыку не минул и луцкий съезд 1927 года; он же благословил организацию «Общества Петра Могилы». Знаменательное «Як гарно!» у почаевской колокольни окончательно обеспечило волынскую кафедру этому разведенному священнику, не имеющему канонического права священнослужения. Но не только этим всем заслужил еп. Алексий благосклонность министерства исповеданий: будучи епископом Гродненским, *он дал согласие властям на снос двух православных храмов*: в Гродно (Александро-Невская церковь) и в Белостоке (недостроенный оскверняемый храм). Эти храмы спаслись чудом[3].

Проделав путь от двуглавого орла «Союза Русского Народа» до «жовто-блакитного» флага, Алексий Громадский легко поднял черное знамя анархии. Эта авантюра, как полагают хорошо осведомленные лица, ведет волынского владыку к белому клобуку «Украинской Церкви в Польше». Во что может обратиться такая Церковь —

---

[2] См. «Историческая делегация», Львов, «Русский Гол.» № 36, 1934, а также № 37 и № 46.

[3] См. статью «Взрыв изнутри», газ. «Русский Голос» № 36, 1936 г., Львов.

свидетельствует нам декабрьский съезд украинских униатов-католиков во Львове. Пока же — украинизация православной Церкви в Польше ведется неуклонно. С марта 1937 года общее руководство Смешанной Предсоборной Комиссии поручено архиепископу Алексию[4].

Охладев к такой Церкви, волынец оказался легкой добычей большевиков. Разваливаемая Церковь в центре Польши послужила обоснованием тому же III интернационалу. Гремевшие почти весь 1936 год кровавые забастовки по всей Польше показали польскому обществу, что оно спит на бочках с порохом, что жиды в течение этих кровавых месяцев исполняли «задание центра» — учет большевистских сил. Их оказалось немало: главный результат падения морально-духовных влияний.

«Учет сил» заставил польские власти сделать резкий поворот «лицом к коммунизму». Между прочими мероприятиями этого зла оказался выдающимся событием синод католических епископов в Ченстохове — первый собор католической иерархии в Польше со дня ее восстановления. Синод под председательством нунция Мармаджи, закончил свои работы рядом воззваний и обширных мер против «росыйскіего большевизму» и«москевскіего коммунизму», так как пришлось установить, что сказка о «схизме» не действует на коммунистически настроенные рабочие и крестьянские массы польского населения и что эту сказку они легко заменят лозунгом о религии и опиуме. И в этом нет ничего неожиданного: «если можно разрушать и осквернять храмы под осмиконечным крестом, то почему нельзя сделать того, что делают в Испании с храмами под крестом четырехконечным? Ведь и те и другие — христианские!» — убеждают народ посланцы тов. Ярославского.

Но до этого не додумались католические ксендзы: они стали обвинять (в печати) православное духовенство Волыни в том, что «оно не борется на местах с коммунизмом»... о насаждении которого так усердно, систематически и тупо хлопотали много лет сами посланники папы из Рима, делая христианство материалистическим, бездушным, злобным.

В декабре прошлого года вся Варшава две недели читала на воротах варшавского университета огненный плакат: «Смерть жидокоммунизму!» Но коммунизм сам умирать не хочет. Зародыши его плодятся и плодятся. Поборет ли его «власть твердой руки» генерала Славой-Сладковского, или «национальная консолидация государства» полковника Коца, или ченстоховские епископы — не знаем. Знаем лишь твердо, что *без полной и подлинной свободы православия в Польше, без уничтожения вражды к нему со стороны римского католичества* — без возвышения главенства Духа в государстве — *никакая победа над материальным коммунизмом невозможна*, сколько ни заседай синод в Ченстохове, какие плакаты ни вывешивай польская национальная молодежь. Ибо она — *воспитана в матери-*

---

[4] См. газ. «Новая Искра» № 37, 1937 г., Вильно.

алистическом духе, в духе вражды к братьям христианам; не для них ли ченстоховские епископы назвали большевизм «р о с ы й с к и м»? Не для них ли делается с «росиянами» и их «схизматыцкой вярой» то, что описано выше и что расскажу в следующей главе?

Так ли г о т о в я т с я к борьбе те, кто хочет победить общего врага?

Да и можно ли победить материалистический большевизм, презирая в себе и других силы и первенство Духа?

VII. Первые шаги полонизации Церкви.— Американский протест.— Вздох облегчения.— Но история не останавливается.— Православные богослужения — на польском языке.— Ересизация Церкви.— Голос польской общественности.— Историческая резолюция РНО.— Ответ Варшавы.— Иезуиты губят христианство.— Свободная Русская Соборная Православная Церковь

Введение нового стиля в церковную жизнь прошло в Польше не так, как этого добились иезуиты и враги православия в Румынии, Латвии, Эстонии, Финляндии: православный народ не принял распоряжения Варшавской митрополии. По новому стилю и по сей день молятся Лодзь, Томашев, Люблин да митрополитальная Варшава. *Крестьянин* Волыни, Полесья, Холмщины и т. д. не пошел в храм с новым стилем. Пришлось эту нелепость прекратить.

Другое дело — преподавание Закона Божия на польском языке. Без ведома мирян и священства, митрополии — «в целях миссионерства среди католиков» — еще в 1927 году перевела на польский язык православный катехизис. В отчете об историческом православном собрании в Вильно, состоявшемся 29 ноября 1936 года, читаем:

«Содержательным было выступление А. А. Божерянова (сына). Представив Собранию старый православный катехизис и его перевод (на польский язык), сделанный и изданный Синодом Польской Автокефальной Церкви в 1927 г., он указывает, что между оригиналом и переводом есть разница, указывающая *на искажения православного учения, допущенные нашей иерархией и притом не в частных сочинениях, а в книге, которая является «правилом веры», что говорит о ее явном еретическом уклоне. Например, по катехизису Варшавского Синодального издания* безусловное значение для Церкви имеют распоряжения «Вселенского Патриарха». В соответствующем месте православного катехизиса стоит — «Вселенского Собора». Варшавский катехизис, следовательно, проповедует какое-то папство!» («Русское Слово № 282,1936. Курсив автора).

В варшавско-синодальном Катехизисе 1927 года ересей много больше. Они существуют и практикуются уже 10 лет.

Таким же порядком Варшавская митрополия перевела и Ветхий и Новый Завет. О миссионерствовании митрополии с этими пособиями на польском языке — ничего не знает русская православная паства. Зато в начале тридцатых годов (точно установить трудно) то тут, то там показалась рука полонизирующей русское население власти: в правительственных школах, при настойчивом сопротивлении детей и родителей, появилось *преподавание Закона Божия на польском языке* — по митрополитальным пособиям. *Потребовали этого польские школьные власти* на том основании, что-де русские дети уже не понимают по-русски. Ничтожная доля правды в этом была: польская школа систематически стремится к тому, чтобы русские дети забыли собственный язык. Знаменательно то, что переводы пособий по преподаванию Закона Божия на язык польский совпали по времени с рескриптом министра исповеданий (11 мая 1927 года), в котором говорится, что *обучение Закону Божию должно проводиться на родном языке* (язык матери). Очевидно, по прошествии восьми лет по восстановлении Польши министры решили, что родным языком русских стал польский. Православное Гродно доказало, что это не так: А. В. Наумюк, член родительского Комитета и член Верховного Совета «Русского Народного Объединения в Польше (РНО)», собрал более 600 человек родителей на особом собрании, где и был подписан протест против требований местного школьного инспектора, обоснованный на вышеупомянутом рескрипте министра. Родители-гродненцы собрались по тому же поводу еще раз; но в третий раз собраться им запретила административная власть, хотя цель собрания была — обсуждение три года ожидавшегося ответа министерства. А. В. Наумюк оказался уволенным от занимаемой им жалкой должности в гродненском магистрате и остался с семьей без средств к существованию. Закон Божий в Гродно преподавался по-польски.

Насилия наподобие гродненских распространились по всей Польше. Многочисленные протесты верующих и к высшей церковной власти, и к польским чиновникам ни к чему не привели: в русских газетах мы стали встречать такие заключительные аккорды первых шагов полонизации Церкви: «Некоторые старосты полесского воеводства обратились с письмами к благочинным Православной Церкви с предложением преподавать Закон Божий на польском языке. Благочинные обратились за разъяснением к митрополиту». («Русск. Гол. № 15,1934).

Характерно то, что благочинные не обратились за разъяснениями к своему епископу; полесский архиепископ Александр, давно проявивший себя ультралояльным по отношению к польской власти, к тридцатым годам зарекомендовал себя в среде верующих, как прямой полонизатор Церкви и православного населения. Благочинные к нему не пошли, так как он не раз не принимал их по подобным делам. Полонизаторская податливость пинского иерарха объясняется существованием некоторых его личных качеств, о чем неоднократно свидетельствовала польская печать, а русские газеты так и не добились от

польской консистории соответствующих опровержений[1]. И этот иерарх, как и другие, оказался достойным выбора министерства исповеданий во дни принятия автокефалии. На территории его епархии впервые появилось преподавание Закона Божия на польском языке, послужив примером для других.

Дал ли митрополит Дионисий польским благочинным нужные разъяснения — мы не знаем. Видимо, не дал или не мог дать.

Благодаря системе правительственного террора, изложенной в главе IV, местные законоучители постепенно смирились. Установилось два положения (к 1936 году): *Закон Божий русским православным детям преподается в Польше на польском и на «украинском языке» во всех правительственных школах.* На *русском* языке преподавание идет лишь в восьми русских общественных школах, ничтожных по количеству воспитанников и не получающих никаких материальных пособий от казны.

Последствия полонизации уроков Закона Божия: лишь ничтожное количество детей посещают уроки. Это ведет к *безрелигиозности государственного школьного воспитания в Польше.*

Благодаря этому насилию, *русские молодые поколения получают сугубо искаженные понятия о своей вере* (переводы), *вообще же — лишены нормального религиозно-нравственного воспитания.* Это-то обстоятельство и используется врагами православия и русскости в Польше.

Полонизация пошла и по иному пути: появились так называемые «православные поляки». Я видел этих людей в Белостоке. «Коло православных поляков имени маршала Пилсудского» фиктивно создано неким г. Савицким (1935). Ему деятельно помогали местные власти. Он в учреждениях приглашал в это «коло» чиновников-одиночек русской национальности; дело шло туго; один смельчак наотрез отказался от вступления в «коло». Этот свободный гражданин Польской республики был уволен от должности в 24 часа. Тогда другие подписали «декларацию» г. Савицкого... Так возникло «Коло православных поляков в Белостоке». Конечно, миссионерство митрополии здесь ни при чем. Кроме г. Савицкого и жалких статистов, оказались там и «деятели». Эти люди, прежде всего, принялись отнимать у православных единственный храм, предлагая верным пользоваться кладбищенской часовней. «*Православных поляков*» в Белостоке было к тому времени человек 10-11, православных же на несколько тысяч больше. Храм отстояли. Но церковный староста, открыто выступивший против захватчиков, пострадал — его уволил со службы коммерсант-дровяник на следующий же день; по собственному признанию коммерсанта, *на этом настоял местный польский администратор — староста.*

Полный облик «православных поляков» в Белостоке (да и везде они такие) выявился 28 сентября 1936 года: во главе с г. Савицким, *они приняли молитвенное участие в униатском богослужении*, совершенном в католическом костеле униатским епископом Чарнецким, а за-

[1] См. «Русское слово» № 272, 1933 г.

тем, в тот же день, присутствовали и на собрании, в котором *выступал в пользу унии* еп. Чарнецкий и редактор «Oriens» иезуит Ян Урбан.

Следующим шагом правительственных и ватиканских полонизаторов Церкви было *требование министерства исповеданий* об исполнении в православных храмах (во дни государственных праздников) польской национальной молитвы-гимна «Boże coś Polske». По указу митрополита (1935), это выполняется всюду и по сей день.

Затем кое-где стали появляться требования властей (в том числе и в Белостоке), обращенные к отдельным священникам, о произнесении проповедей на польском языке. Начались трения. Епископ Гродненский Антоний послал в Белостокский собор специального священника (молодого, новейшей формации) для выполнения этого требования властей. Народ не дал говорить посланцу второго полонизатора-епископа)[2]. Однако через год, 3 июня 1936 г., законоучитель о. Р. Олехнович огласил Белостокский собор проповедью по-польски; присутствовали власти и военные делегации; очевидно, им и нужна была православная проповедь.

Молодые православные богословы подготавливаются ряд лет в Варшавском университете, живя в митрополитальном интернате; лекции читаются почти целиком на польском языке, а в интернате к православным богословам приставлены «воспитатели», специальные польские чиновники; *и в университете, и в интернате студенты-священники обязаны говорить только по-польски.* Из этой генерации молодых, монахи постепенно выдвигаются на посты епископов.

В февральских номерах (от 11 по 21) 1936 г. газеты «Россия», издающейся в Нью-Йорке, и церковной газете «Свет»— в Вилькес Барре, появилась обширная статья А.(лександра) Попова «Православие в Польше», знакомящая читателя (в главных чертах) с положением Церкви. 8 марта того же года в Нью-Йорке состоялось Общее Русское Народное Собрание по случаю 75-летней годовщины освобождения крестьян в России от крепостной зависимости; на этом собрании был сделан доклад о положении православной Церкви и русского народа в Польше. Собрание представителей 14 крупнейших национальных организаций вынесло *резолюцию протеста против насилий и гонений православной Церкви в Польше.* Протест назвал эти гонения «пережитками» средневекового варварства», перечисляя в основном все то, что сообщено о гонении в настоящем труде. Протестующие русские американцы ставят в известность польскос правительство, «*что такая антиславянская и антибратская пол-*

---

[2]Чтобы легче и скорее развалить православную Церковь, министерство исповеданий неуклонно заботится (наподобие королевских забот в XVI веке) о том, чтобы православные епископы были бы людьми сомнительных нравственных качеств; некоторые из них исполняют волю властей, боясь быть разоблаченными; но это не спасает: стремясь всячески дискредитировать Церковь, власть, оставляя без последствий более года жалобы гродненских прихожан на еп. Антония, допустила публичный скандал: польская газета «Slowo» в номерах от 2-го, 4 и 5 декабря 1936 г. разоблачила гродненского епископа. Главная мысль газеты: «мы не хотим морального разложения наших граждан, приходящего через православную Церковь»... Митр. Дионисий в 24 часа убрал епископа Антония.

итика чинов польской администрации в черную для России годину поведет в будущем к новой борьбе и ожесточении сердец польского и русского народов, что являлось тягостной ошибкой в прошлом и чего, конечно, всячески следует избежать в будущем». С другой стороны, собравшиеся обратились к ряду иных русских организаций и *ко всем русским людям с просьбой поддержать протест. Американский протест* подписан представителями русских организаций, а также иерархами: архиепископами Виталием и Адамом и епископом Макарием. Протест (с приложением статьи А. Попова) был разослан в 19 государствах всем православным иерархам и главнейшим русским организациям, многим редакциям русских газет и «Геральд Трибюн», секретарю по иностранным делам С. А. С. Штатов Холлу, Римскому папе, в Лигу Наций д-ру Г. Лодыженскому — Международная Лига «Про Дио», Патриарху сербскому Варнаве, президенту Польской республики, митрополиту Дионисию, епископам Алексию и Поликарпу, и многим другим.

Американский протест произвел в Варшаве впечатление взрыва, от которого одни ахнули, а другие — глубоко, облегченно вздохнули.

Митрополит Дионисий затрепетал перед властями; во всех своих изданиях (в том числе и в «Воскресном Чтении») он напечатал следующее обращение к польскому правительству, посланное по назначению 23 апреля 1936 г.:

«Имею честь препроводить копию письма Председателя Всероссийского Народного Крестьянского Союза в Америке, от 25 марта с. г., вместе с копией присланной мне резолюции «О преследовании Русской Православной Церкви в Польше».

«Одновременно выражаю свое самое глубокое возмущение ввиду провокационной акции, подчеркивая, что вопрос резолюции внесу на чрезвычайную сессию Синода, каковая будет созвана в ближайшее время. Таким образом желаю публично выразить горячую привязанность Автокефальной Православной Церкви в Польше к Государству и опровергнуть гнусные инсинуации» («Слово» № 19 от 10 мая 1936 г.).

Чрезвычайная сессия Синода состоялась 20 июня. «Определение» Синода напечатано в «Слове» № 26,1936 г. Все факты гонений, отмечавшиеся в «Воскресном Чтении» на протяжении 12 лет, признаны Синодом *«гнусными инсинуациями»*. Зачинщиком американского протеста назван Синодом «противник нашей Автокефалии и ненавистник Польши, архиепископ Виталий, что ясно свидетельствует о провокационном характере резолюции». Поступок архиепископа Виталия объяснен Синодом как акт зависти этого иерарха: он «хотел бы в зависти своей хоть чем-нибудь повредить православной Церкви в Польше»... Полонизация церкви признана весьма полезной: «она сослужит огромную службу в деле расширения Св. Православия в Польском Государстве» (вспомним, для примера «православных поляков»); украинизация признана «делом внимательного отношения к нуждам и желаниям украинской паствы Церковной Власти, которая еще в 1922 и 1924 г. определила границы и условия украинизации...»

Когда «обращение» митрополита к правительству, а также «опреде-

ление» Синода были подвергнуты русской печатью жестокой критике в Польше, Чехии и Америке[3], а мотив «зависти» архиепископа Виталия язвительно осмеян в «Oriens'e», как нечто логически недопустимое и невразумительное, из митрополии вышла новая версия об основе американского протеста: «не иначе, как работает рука Коминтерна»...

Нетрудно понять психологию главы автокефальной Церкви; эта психология, к сожалению, такова, что не допускает подлинного участия в делах Церкви *внутреннего голоса мирян*. В Варшавской митрополии все еще никак не могут усвоить, что все долголетние и различные протесты мирян против украинизации, полонизации и ересизации Церкви, запечатленные в меморандумах, докладах, просьбах — устных, на бумаге, в печати, — что все это не что иное, как *воля мирян*, которую сознательно игнорирует Варшава; от этой воли до воли Коминтерна — расстояние большое, конечно. И этого не может не знать митрополит Дионисий.

Но и этот устрашающий жупел не подействовал на верных.

Варшавские священники и законоучители варшавских учебных заведений — о. о. протопресвитер Т. Теодорович, И. Коваленко, А. Субботин и Д. Сайкович явились к митрополиту Дионисию и, не будучи приняты главою автокефальной Церкви, оставили ему докладную записку; этот документ представляет собой план приведения в порядок дел Церкви *на основе соборного начала* и указывает на катастрофическое положение Церкви. «Русское Слово» № 114, 1936 сдержанно сообщает:

«В записке в частности говорится: о тенденциях церковной прессы внести в русло церковной жизни такое понимание, которое смущает православных людей, как не соответствующее традициям православной Церкви; о замене церковнославянского языка в Богослужении — государственным, что может вызвать раскол в Православной Церкви; о вредной — с точки зрения церковных интересов — деятельности некоторых иереев и т. п.».

Докладная записка варшавских священников — этот глубокий вздох верных после взрыва американского протеста, осталась без рассмотрения, разделив участь многих подобных советов и положений духовенства и мирян. На этот раз порыв был исключительный, ибо *в протянутой из-за океана руке братьев, православные русские люди в Польше почувствовали долго не приходившую и необходимую моральную поддержку*.

Американский протест вынудил варшавский Синод снять маску: иерархи не воспользовались чрезвычайно благоприятным случаем, чтобы потребовать от польской власти раскрепощения Церкви и узаконения ее жизни, не пошли на соединение с мирянами и духовенством, а решительно предались угнетателям православия. Это поняли и соответственно оценили все верные. Они стали выступать, как никогда прежде, в печати, в специальных собраниях, на съездах — в защиту

---

[3] См. «Русское Слово» № 95, 99, 114; «Наше Время» № 149, «Русский Голос» № 16, 19, 21, 24; «Россия» № от 13/VI, 1/VIII, 29/VIII, 12/IX-1936 г.; «Православная Русь» № 15, 17, 1936; «Oriens» за июль—август 1936 г.

Церкви и своих прав, заинтересовав отчасти и польскую общественность положением православного русского населения в Польше.

Американский протест заставил и польские власти впервые определенно высказаться по делам Церкви и русского народа: «украинцы» и белорусы — *отдельные народы*, они имеют право молиться на родном «языке»; никаких преследований не существовало и не существует; американский протест — это «пример черносотенной русской духовной антипольской акции в Америке»; никакой русской церкви в Польше нет; все, что сообщил в американских польских газетах эмигрантский журналист А. Попов — «высосано из пальца», *доказательством* чего служит «обращение» митрополита Дионисия к польскому правительству (приведенное выше). Заодно польский официоз удивился, что А. Попов продолжает пользоваться гостеприимством Речи Посполитой («Газета Польска» от 27 мая 1936 г.).

«Oriens» не предполагал такой резвости официальной польской прессы, и еще в номере за март-апрель — увы — *подтвердил* и украинизацию, и полонизацию Церкви, и разрушения храмов, и роль польских властей во всех несчастиях православия в Польше. В последующих номерах иезуитский журнал стал осмотрительнее, высказав удовлетворение и по поводу высылки А. Попова за пределы Польши.

Несколько успокоившись, митрополия приступила к «мотивированным опровержениям» американского протеста на страницах своей печати[4]. Эти опровержения полны противоречий, неправды в отношении положения Церкви, а также проникнуты польско-национальными настроениями. Там же встречаем отречение от звания *русской* Церкви. Самым существенным в митрополитальной печати оказалось то место отчета о заседании Синода 20 июня, которое всенародно определяет позицию иерархии в отношении Церкви. Синод твердо заявил:

«Польша суверенное государство, которое имеет право вникать во все стороны бытия и жизни своих граждан и устраивать эту жизнь сообразно с нуждами и интересами общего целого».

Так как *нужды и интересы польского целого* явно не совпадают с интересами и задачами православной Церкви и ее верных, то отсюда неминуемый вывод: иерархия во главе с митрополитом Дионисием, не намерена по-настоящему ставить на законную почву существование православной Церкви в Польше; не намерена устанавливать соборное начало в управлении Церковью; не в состоянии защитить Церковь и верных от гонений и насилий, вплоть до уничтожения православия на польской территории; иными словами — иерархия не видит выхода из создавшегося положения, полагаясь в решении судьбы Церкви исключительно на волю польских и католических политиков.

Доказывая все вышеперечисленное, митрополия вскоре согласилась на требование министерства исповеданий: начиная с 11 ноября 1936 г. (по новому стилю) все *богослужения* в дни государственных праздников *должны совершаться на польском языке*. Для этого

[4] См. «Polska stronica «Slowa» № 12, 13 и др.; «Слово» № 19, 26, 28 и др.

7 ноября были экстренно разосланы митрополией по всем приходам в Польше переводы панихиды и молебна, отпечатанные в синодальной типографии. Митрополит Дионисий лично отслужил молебен по-польски 11 ноября в митрополитальной церкви. В митрополитальной газете «Слово» (№ 37) появился отчет об этом богослужении (на польском языке), утверждающий замечательные свойства переводов: «и по смыслу, и по настроениям переводы ничем не отличаются в исполнении от церковнославянских». Допущение подобных утверждений на страницах митрополитальной печати, не что иное, как агитация иерархии за мероприятия правительственных органов, — агитация тем более неуместная, что переводы панихиды и молебна представляют собой нечто совершенно неприемлемое для православных христиан: например, там нет слова Истина; там непереводимое *«Господи помилуй»* обратилось в *«Помилосердствуй господин»* (Zmiłuj się Panie): *«дьявола упразднил»* превращено в *«дьявола уничтожил»*, т. е. внесена существеннейшая в православном учении ересь (Zniszczył szatana); вместо *«образ есмь»* (Я) переведено в панихиде *«образом есть»* (Ты) (obrazem jesteś) — тоже ересь; совершенно не соответствуют истинному значению слова: *«благоутробие»* — милосердие (miłosierdzie), *«язва»* — шрам (blizna), *«Благий»* — добрый (dobry), *«Трисиятельное»* — тройная светлость (potrójna światłość), и много других: *« в землю мя обратил* (в прах)» — *на* землю меня *вернул* (na ziemę mię wrócił) — ересь...

Все указанное — лишь кое-что; однако если свести воедино все ереси, вошедшие в разноязычные варшавские переводы церковных книг, то получается внушительная картина: *Церковь, незаметно для верующих, — ересизируется*! Переводы на польский язык совершала специальная Комиссия при Синоде, под председательством не владеющего польским литературным языком епископа Люблинского Саввы (Советова).

В статье «Kyrie elejson» редактор польской газеты «Słowo» г. Мацкевич (Cat.) говорит, что переводы творений Кирилла и Мефодия (IX века) на современный польский язык — « с точки зрения культурной и духовной есть чудовищный, отвратительный вандализм» (номер от 14/IX-1936). В другой статье тот же автор-поляк говорит: «Слыхал я, что польский солдат должен молиться на польском языке. Иосиф Пилсудский был тоже польским солдатом, но молился по-латыни. Православный крестьянин почему-то должен молиться по-польски, тогда как католики-униаты молятся на церковнославянском языке. Господа бюрократы вообразили, что это лучший способ поднятия в православном крестьянине польского патриотизма!» (№ 307,1936). В номере от 2 декабря 1936 года г. Мацкевич, разоблачая гродненского епископа и упрекая правительственные власти в умышленном разложении православной Церкви, говорит:

«Основано это на подборе, поддержке или хотя бы поощрении (что, по-моему, одно и то же) лиц на высоких духовных постах в автокефалии, которые ради карьеры или материальных выгод готовы выполнить все, что от них хотят. Метод этого рода доведет до трагических послед-

ствий»[5]. (Здесь автор намекает на историческое прошлое Польши.)

После американского протеста стали выступать в печати и рядовые священники, и не только в русской печати, но и в польской. Так, в том же виленском «Słowie» (от 14/XI-1936) появилась прекрасная статья о. Виталия Железняковича под заголовком: «Обоюдная опасность». Автор указал в ней, что полонизация Церкви приведет к полонизации верных, но ни то, ни другое *не может* быть *настоящим*, лишь явится началом весьма печальных последствий. О. Виталий высказался также против ничем не оправданного и для церкви губительного требования властей о введении богослужений на польском языке.

В газете «Русское Слово» и «Наше Время» появились статьи «Иерея» под заголовком «Из дневника нестарого иерея» (№ 275, 276, 283 и в нескольких последующих); в статьях этих отразились настроения, мысли, тревоги православного священника перед лицом всеобщей полонизации Церкви.

Позднее протоиерей о. В. Юзьвюк в газете «Новая Искра» (№ 10,1937) говорит о настроениях паствы на местах:

«На каждом шагу слышны упреки по адресу высшей епархиальной власти, а также ни в чем не повинного своего непосредственного духовенства. Слышны угрозы насильственного недопущения совершать Богослужение на ином языке, кроме церковнославянского. Грозят отпадением от православия и переходом в то христианское вероисповедание, где Богослужение будет совершаться на языке их отцов и дедов» (т.е. в унию или католический «восточный обряд». —*А. П.*).

При таких настроениях состоялся в Варшаве (6-7 декабря 1936 г. Съезд делегатов «Русского Народного Объединения (РНО)». Съезд прошел под знаком церковного вопроса.

Резолюции Съезда, как его участник, привожу полностью, дабы читатель не сомневался ни под какими посторонними влияниями в истинности происходящего в Польше. Резолюции эти были не пропущены цензурой в русской печати в Польше, а затем (через месяц) появились в значительно сокращенном виде.

«По церковному вопросу Съезд констатировал, что православная иерархия, нарушив принципы соборного устроения Церкви и не дожидаясь созыва на канонических основаниях поместного церковного Собора произвела и производит ряд крупных нововведений, вопреки церковному сознанию верующего народа. Ничем не вызываемое введение *нового стиля* смогло быть осуществлено лишь в некоторых местах, в том числе и в Варшаве, и решительно было отвергнуто подавляющим большинством православного народа. Создалось ненормальное положение, при котором великие праздники — Рождество Христово и др. празднуются в Варшаве в то время, когда все остальные приходы в митрополии продолжают Рождественский пост. Все это только вносит смуту, великий соблазн и недовольство.

[5] Эти строки в польской газете конфискованы цензурой.

«Еще большие потрясения и расстройство внесены в церковную жизнь распоряжениями об *украинизации православного богослужения*. Нарушены тысячелетние традиции. При таком отношении к церковнославянскому языку православное население воспринимает перевод богослужения на разговорные языки как профанацию и оскорбление своего религиозного чувства и видит в этом *начало гибели тех устоев Церкви, за сохранение которых многие десятки поколений православного народа на протяжении почти тысячелетия исповеднически боролись и страдали*. Подобного рода явления можно рассматривать, как вторжение *политических тенденций* в священную ограду Церкви, где им не должно быть места. Особенно тяжелым для себя православный народ считает тот факт, что *только его одного принуждают изменить языку предков*, в то время как поляки-католики неизменно молятся на латинском языке, евреи — на древнееврейском, магометане — на арабском.

«Такое потрясение основ религиозного сознания вызывает в результате *отход православного населения от Церкви, со всеми пагубными последствиями — безбожием и падением нравственности*. Наблюдаются случаи, когда священники изменяют свой внешний образ православного иерея на иной, чуждый его пастве. Русское население приняло в свое время провозглашение автокефалии православной Церкви в Польше в надежде, что прочные начала внутреннего устроения Православной Церкви будут положены в основу на правильно созванном поместном Соборе, состоящем из иерархов и мирян, под покровительством конституции, гарантирующей свободу и полную независимость религиозного исповедания всем религиозным меньшинствам в государстве.

«Созыв Собора уже несколько лет тому назад был разрешен декретом Президента республики и до сих пор не состоялся. Настроение православной Церкви в Польше омрачается еще и тем прискорбным явлением, что даже некоторые из иерархов не стоят на должной высоте, что нашло отражение в польской печати. Съезд делегатов РНО, в сознании своей ответственности перед православным населением и перед потомством за сохранение в чистоте и целости принятой им от предков православной веры и богослужения, постановляет: обратиться с меморандумом к Высшей Церковной власти через особую делегацию с просьбой: 1) Приостановить исполнение богослужений на разговорных языках до принятия по этим вопросам решений Церковного Собора и принять меры к ведению преподавания Закона Божия на родном языке учащихся, как это предусмотрено Конституцией. 2) Ускорить созыв на канонических основаниях Поместного Церковного Собора при самом широком осведомлении духовных и мирян о действиях подготовительных комиссий. 3) Принять меры к поднятию морального уровня среди духовенства и населения.

Вместе с тем Съезд считает своим долгом довести до сведения Высшей Церковной Власти, что *существующие в Церкви настроения грозят ей тяжелыми потрясениями и даже расколом*, поскольку не будут приняты срочные и решительные меры, в полном соответствии и

согласии с чаяниями и стремлениями верующего народа, для оздоровления создавшейся ныне обстановки».

Нельзя не отметить, что полонизация православной Церкви в Польше проводится в момент, когда атеистическая пропаганда Коминтерна идет в самом широком масштабе.

Делегация Съезда, прибывшая к митрополиту Дионисию, не получила от последнего каких-либо *новых* обещаний или заявлений[6]. Делегаты вручили митрополиту меморандум Съезда, на который вскоре были получены русской православной общественностью тяжкие ответы.

Съезд РНО, своего рода русский (бесправный) парламент в Польше, предвидя это, постановил обратиться к русским народным массам по вопросу трагического положения Церкви. Роковое слово раскол было основано исторически сложившейся обстановкой: как и в начале XVII века, православная иерархия в Польше ныне оторвалась от верных, что вызвало необходимость иметь в виду новую иерархию, во спасение Церкви.

Перед съездом РНО и после него, страницы русской печати в Польше долго пестрели словами-протестами по поводу замены церковнославянского языка в богослужениях — польским. Однако эти голоса из недр русской православной общественности, обращенные к Высшей Церковной власти, к польским правителям, к польской общественности, науке, культуре и совести — не достигли успеха[7].

Ответы главы автокефальной Церкви в Польше на меморандум русской общественности были следующие: *новый стиль — не отменен*, в доказательство чего 25 декабря 1936 г. н. с. в митрополитальной церкви было совершено торжественное богослужение самим митрополитом, тогда как вся его паства еще постилась перед Рождеством Христовым; украинизация продолжается: на второй день католического Рождества Христова, с благословения митр. Дионисия архимандрит Палладий (Выдыбида-Руденко) впервые отслужил в пещерной церкви митрополитального храма литургию на «украинском языке»; подтверждая несуществование более русской Церкви в Польше, митрополит Дионисий выпустил четырехстраничное издание к Рождеству Христову (по нов. ст.)с поздравлением православной паствы с праздником — на четырех языках: польском, чешском, «украинском» и «белорусском». Полонизация продолжается и развивается: в варшавской гарнизонной церкви 2 февраля 1937 г. совершена первая литургия на польском языке.

В феврале 1937 г. министр исповеданий заявляет в сейме, что «правительство далеко от мысли о *насильственном* введении в обряды того или иного языка»; видимо, на этом основании митрополит благословляет издание *молитвенников на польском языке*, полагая *доброволь-*

---

[6] См. «Русское Слово» № 291,1936.

[7] См. «Русское Слово» номера за 1936 г.: 10, 15, 19, 71, 73, 80, 126, 128, 150, 202, 255, 270, 271—276, 279, 281—283, 286, 287, 296, 302 и т. д.; «Наше Время» № 95, 99, 114, 115, 149, 180, 288, 291 и 1937 г.— № 31, 33, 36 и др.; «Русский Голос» за 1936 г. № 16, 19, 21, 24; « Новая Искра» за 1936 г. № 259, 261, 262; за 1937 г. № 3, 4, 7, 8. 10—12, 19, 21, 27, 31, 34, 52, 54, 66 и др.

ное их приятие паствой, несмотря на один из выразительнейших протестов, напечатанный перед этим в «Новой Искре», 2 фев.: « *В священный Синод православной Церкви в Польше.* Мы, нижеподписавшиеся жители деревень: Коптевка, Полоткова, Горница, Кореневичи, Колпаки, Соломянка и Гривка, настоящим обращаемся в Синод с протестом против посягательств на церковнославянский язык в нашей Святой Православной Церкви и замены его языком польским» и т. д. — следует 842 подписи. Это одно из многих подтверждений резолюций РНО не действует: вместо крутого поворота к народу, митрополия продолжает правительственную политику: Синод, терроризируя в течение нескольких лет население, определяет «установление пользования в богослужениях разговорными языками (чешским, польским, белорусским и украинским) исключительно особыми расследованиями на местах». Но в Томашове 4 года издается «Kalendarz Prawoslawny», Glos Prawoslawia», в Вильно — «Родны Край», в Кременце — «украинский» орган еп. Алексия, и в самой митрополии — «Polska Stronica «Slowa», «Gazeta Prawosławna», «Prawosławna Informacya Prasowa», ряд брошюр и листовок; в феврале же 1937 года отпечатана в синодальной типографии православная литургия на польском языке (и разослана по всем приходам). В Люблине и других местах каждый день множатся церковные издания на польском и других языках. Синоду вместо *определения о расследованиях на местах* следовало бы предварительно *закрыть все перечисленные издания*, и тогда лишь проводить какой-то фантастический языковой плебисцит. Ибо кс. Урбан в «Ориенсе» ехидно, но верно заметил про томашовский календарь: «в этой книжке больше польского патриотизма, чем православия»; а ведь томашовский календарь (192 страницы) издан с разрешения Синода (от 18/IX за № 2237) и пропагандирует *«огосударствление православия»*...

Как бы подтверждая этот лейтмотив положения православной Церкви в Польше, подчеркнутый определением Синода 20 июня 1936 года, русские газеты в Польше принесли известие: уездные старосты Новогрудского воеводства (пока) призвали к себе (март 1937 г.) благочинных и, предупредив, что *дискуссии запрещаются*, внушили им, чтобы все священники, как в храмах, так и в школах, не только в гражданские праздники, но и *всегда пользовались бы польским языком, в том числе и в богослужениях.* («Слово» № 13,1937). Этот испытанный путь постепенности нам хорошо известен...

И скрытая, и открытая рука иезуитов видна не только в Польше: православная Церковь терпит гонения по всему миру. В Европе не только Финляндия, Эстония, Латвия — страны почти целиком инославные, поддались иезуитскому соблазну и теснят православие, но даже православная Румыния религиозно разлагается под иезуитской опекой. Во всех этих государствах, как и в Польше, иезуиты начинают с перемены старого стиля на новый, зная, что достаточно нарушить одну древнюю традицию православной Церкви, чтобы другие пали сами собой. Великая, древняя русская Обитель *Валаам* (в Финляндии) уже десяток лет в немыслимом положении: часть иноков молится по старому стилю, часть — по новому; рядом с *закрытыми* храмами Обители

«старостильники» возносят молитвы Всевышнему в сараях, глиномятнях, под навесами, продолжают поститься, когда «новостильники» празднуют Рождество Христово и т. п. Русский древний монастырь в Эстонии,Печерский, — все время под угрозой захвата иезуитами; воспротивившийся их действиям епископ Иоанн выслан за пределы страны (живет в Югославии). После убийства архиепископа Иоанна (Помера) латвийскими большевиками, православная Церковь в Латвии медленно и верно разрушается; архиеп. Иоанн *отказался подписать автокефалию*. В Бессарабии румынская православная Церковь теснит русскую православную же Церковь, введя новый стиль, клонясь к унии; румынский крестьянин, не имея тех или иных возможностей защитить свою древнюю веру от натиска иезуитов, вовсе оставляет храм Божий, поддаваясь, как и волынский крестьянин, большевизму и безбожничеству.

Дальний Восток, Бельгия — кишат иезуитами, сеющими среди христиан смуту и сомнение в истинности Христовой любви. Всюду, где скрыто или открыто реет коммунистический кровавый флаг, иезуиты, чуя разложение, стремятся использовать его — кто их знает, в каких целях! — быть может, в целях мирового масонства. Ибо ни человеческая здоровая мысль, ни углубленное проведение или трезвая критика не могут объяснить и раскрыть поступки этих людей готовых на все, заливших реками крови христиан свои священнические одежды. Если в России громят православие безбожники- *интернационалисты* — во главе с жидом и масоном Ярославским, то в Испании жгут храмы и католических монахов и расстреливают статуи Христа — *испанцы, католики*, а в Польше преследуют христианскую Церковь, оскверняют храмы и издеваются над православным народом — христиане же, под водительством иезуитов; от этого и в Испании, и в Польше, хотя и по-разному, — знамя коммунизмо-большевизма поднимается все выше. В этом нет ничего неожиданного: католичество, развращенное *властью* пап, извращенное жестокостью *инквизиции* и ее последствиями, и осквернённое *ложью* иезуитского принципа «цель оправдывает средства», — *обануло* пошедших за ним людей, выдавая самые ужасные человеческие страсти за Христово учение. Посеявшие ветер — пожинают бурю. Ведь не кто иной, как иезуиты, извращая в католичестве христианство, дают большевикам исключительные поводы осквернить Христа перед темными массами; массы же не разбираются в христианской подлинности православия и осквернённости католичества.

Борьба за чистоту Церкви Христовой — это борьба за Православие; в русском православии не было ни пап с их сверхчеловеческой властью, ни источающей кровь из Тела Христова инквизиции, ни торгашеской лжи у алтарей.

При ныне существующем обостренном отношении католичества к православию, особенно русскому, — не может быть и речи о так называемом *соединении Церквей*. Задача православия ныне — не дать католичеству *пожрать* себя, к чему последнее стремится всемерно. Не дать пожрать не только в целях самозащиты, но и для спасения христианства в подлинной его чистоте и всемирном значении.

Однако эта историческая задача русского православия далеко не всеми русскими понимается и воспринимается: во-первых, мы не привыкли еще быть в Церкви — великодержавными, то есть ставить и в этой плоскости дело русское на вполне реальную почву; и во-вторых, живем под влиянием устаревшего внушения о вере или неправильно понятого: вероисповедную свободу, веротерпимость мы часто смешивали и смешиваем с *личной верой в Бога*, во Христа, в Его Церковь; наше же православие не может быть личным, то есть духовной принадлежностью каждого отдельного человека, замкнутого в своей вере и в своем личном ею пользовании. *Обличение*, уединение православия русского, его *внутренняя несобранность*, подготовленная несколькими последними веками нашей истории, и привела к тому, что враги веры Христовой и их помощники легко разгромили самую мощную опору мирового православия — *российское православие*.

Обличение нашей Церкви — наша коренная ошибка, с которой надо решительно покончить, чтобы стать действительно сильными перед, несомненно, сильным противником нашим — папизмо-масонством и большевизмом. Церковь наша, после российской катастрофы, и стремиться к внутренней соборности (за рубежом, а также в России). Это естественное движение самозащиты должны всемерно и всемирно поддерживать русские православные люди, развив его в особое православное движение.

Только внутреннесоборная русская православная Церковь может стать действительно созидающим русским началом; *без всеобщей русской открытой и благой веры в такой Церкви — нам не победить посеянного на Родине зла, личной Церковью — не построить и Новой России.*

Сама судьба дает нам в руки возможность не только укрепить естественное движение к самозащите, но и развить его во многоценную и многогранную реальность на деле: гонению на православную Церковь и русский народ по всему свету — это не случайность, а следствие существующих причин; поэтому и *всеобщая защита Церкви русскими православными от преследования, борьба за ее свободу* — должны быть для нас тоже следствием существующих причин — обдуманным и прочным. Подобной грандиозной борьбы за свою веру еще не имел русский народ. Каждый русский православный человек за рубежом должен радоваться перед возможностью укрепить в такой борьбе дух свой, сбросить с него эмигрантскую плесень раздоров и тихого разложения.

Бушующий на нашей Родине большевизм — это следствие мирового иезуитизма, разлагавшего длительными столетиями Церковь Любви Христовой. Главные силы иезуитизма современного, направленные против русского православия и России — в Польше. Там создается база. Туда и следует направить наши первые усилия борьбы за Церковь, как это правильно почувствовали и сделали наши братья из Америки и Югославии, выступившие с американским протестом и поддержавшие его.

Соблазнившиеся иерархи наши в некоторых странах гонений на православие не только являют нам человеческую слабость, но и настойчиво напоминают *подвиги* других, высокодостойных иерархов-героев, иерархов-мучеников. И поэтому не следует бояться так называемых

«разоблачений», облекая их нездоровой сенсацией; ибо грешно перед Церковью и вредно для русского народа скрывать ошибки и даже преступления во храме Христовом.

Надо помнить, что подобные деяния иерархов и иже с ними — не простая *злободневность*, а суровые страницы *истории* нашей. Как поступил бы князь Константин Острожский, узнав содержание документа, подобного резолюциям РНО о Церкви? Что должен сделать историк перед лицом варшавской автокефалии митроп. Дионисия и мученической кончины рижского архиеп. Иоанна, отказавшегося подписать столь же угодную иезуитам и гибельную для Церкви автокефалию? Как расценит история великий крест, который взял на себя архимандрит Смарагд, убивая митрополита Георгия, и председательствование епископа Саввы при четвертовании древнеславянской литургии. Куда поставит история, для примера̀ всем православным, подвиг верности иерея о. Луки Голода и предательство иерарха Алексия Громадского? Епископы-изгнанники, оставшиеся верными Церкви, и епископы-полонизаторы, отошедшие от верных иерархи и постоянно стремящиеся к иерархии миряне; беззащитный Наумюк — и безнаказанный Антоний; беспутный «барин», протоиерей Борецкий — и нищие полуголодные иереи Волыни — все это контрасты исторического значения, а не злободневная сплетня. Закрыть глаза на *историчность* этих явлений, на эти *призраки прошлого* Русской Западной Церкви — как тогда направить русских православных людей, возревновавших о своей Церкви?

Мы свято обязаны хранить цельность и единство Церкви и потому твердо обязаны удалять из-под ее сени все разложившееся и ей угрожающее. Только чистыми мы можем препоясаться и выйти за Церковь Христову.

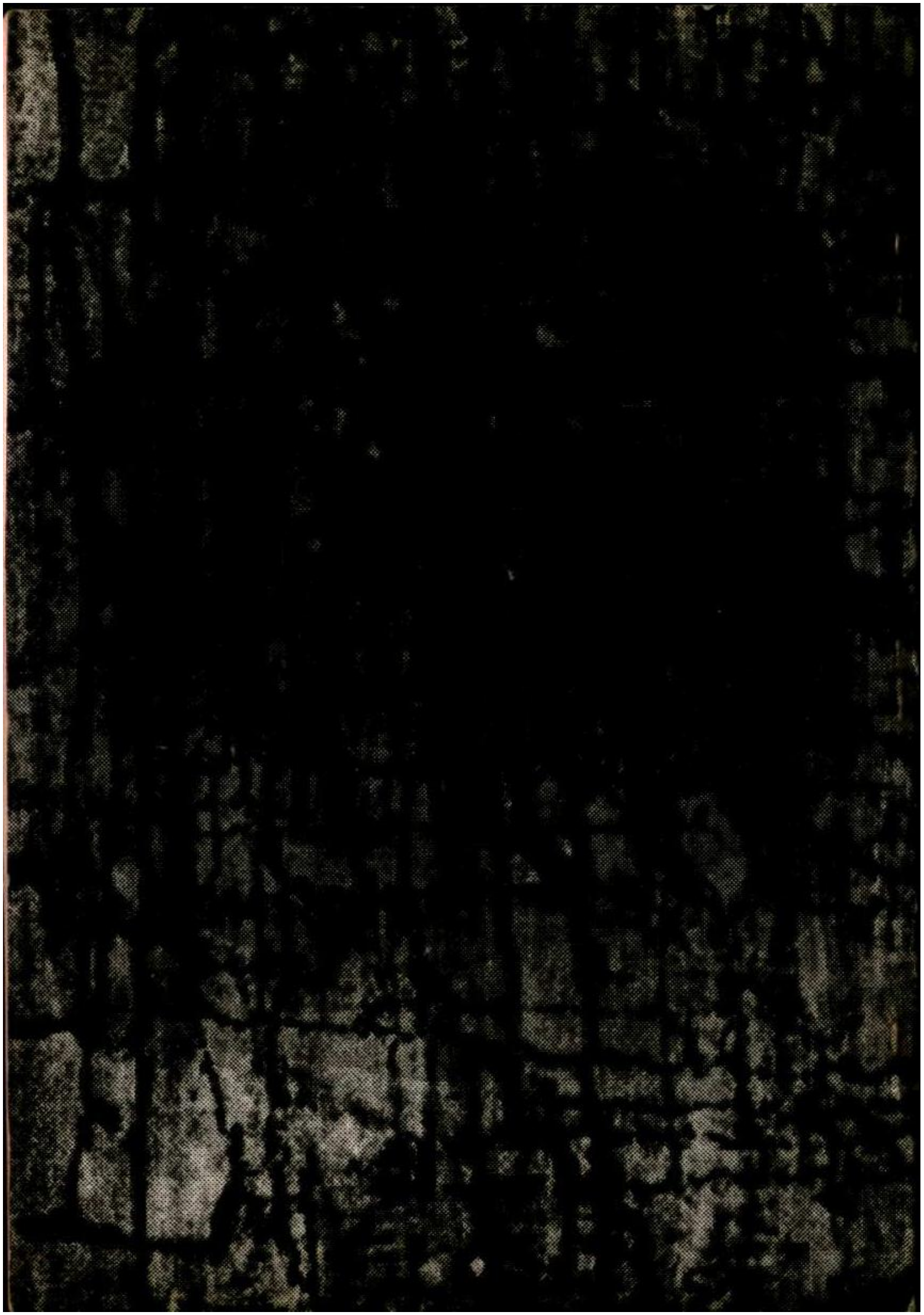
Существует великое упование: «И врата ада не одолеют Ея».

Эта твердая вера требует *дел*, ибо «вера без дел — мертва есть». К сожалению, далеко не все русские, привыкнув к синодально-консисторскому строю, понимают громадную важность для будущей России дела Церкви и притом *соборной*. Ведь посещать храмы, поддерживать их благолепие, говеть, поминать умерших, подавать убогим, чтить пастыря доброго — это лишь простые обязанности духовные каждого православного христианина, это еще не *дела*; подлинные *дела*, возрождающие, увеличивающие веру создает лишь подвиг во имя Церкви Христовой.

Живя в лоне российской синодальной Церкви, мы с трудом находили возможность свершения подвига. Ныне — по Руси и русскому зарубежью — *ходит Христос*; каждый час нашей жизни — взыскует подвига. Великий сонм мучеников российских — иерархов, иереев, мирян — за Церковь Христову, мученики и подвижники зарубежья — подтверждение нашей действительности; они — наш пример и основа.

Не унижайте же себя, миряне. Церковь *от нас* ждет дел: *свободы* и *соборности*. Но *без борьбы* нам не добыть ни того, ни другого.

Я не собираюсь «учить» Вас. Я лишь говорю о неизбежном, о котором не все знают.

Приложеніе къ «Западнорусскому Вѣстнику»
Община священноиспевѣдника
Катакомбной Церкви Серафима Загоровскаго
Западная Св. Бѣлая Русь
(Сѣверо-Восточная Польша)

Миссионерский Фонд Западно-Европейской епархии
Русской Православной Церкви Заграницей
и
Община Казанской церкви
Воскресенского Новодевичьего монастыря
С.Петербурга юрисдикции Архиерейского Синода
Русской Православной Церкви Заграницей